

Игрушка для бизнесмена

Автор:

Мария Летова

Игрушка для бизнесмена

Мария Летова

ОН – успешный столичный бизнесмен. Я – первое, что подвернулось ему под руку в ночном клубе. Я знала, что такие, как он, не связываются с провинциалками вроде меня больше, чем на одну ночь, но все равно села в его машину. Я знала правила этой игры, и не думала, что когда-нибудь увижу его снова. Содержит нецензурную брань.

Мария Летова

Игрушка для бизнесмена

Глава 1

– В следующий раз клей на скотч...

Из зеркала в золотой деревянной раме на меня с иронией и насмешкой смотрит двухметровая девица в настоящих лабутенах.

Щеки загораются, и кончики ушей тоже.

– Вот дура... – стоящая рядом с ней девица понижее качает головой и полощет свои костлявые руки в умывальнике.

Обвожу губы красной помадой, игнорируя обеих.

Покачивая задницами и гремя по кафельному полу своими шпильками, они уходят из туалета.

Оставшись одна, быстро убираю помаду в сумку и осторожно поворачиваю застежку. Вздохнув и покусав губу, скребу ногтем след от засохшего клея «Момент», на который посадила фальшивую эмблему «Шанель». Она отвалилась вчера.

Смотрю на свое отражение, приглаживая руками пайетки на платье. Ноги адски ноют. Говорят, от туфель «Джими Чу» ноги никогда не болят, даже если шпилька десять сантиметров. Не знаю, как насчет «Джими Чу», но в китайских подделках они просто отваливаются.

На шпильках мои ноги выглядят гораздо эффектнее, хотя без них тоже на десятку. Ноги – мое богатство, как и лицо. Оно у меня красивое. Хорошие гены – это то, на что в первую очередь обращают внимание все толстосумы, именно поэтому сегодня я выставляю свои гены напоказ. Я не пью, не курю, и мне двадцать три. Я могу стать отличной матерью для детей какого-нибудь рублевского богатея, хотя слышала, что из-за пробок это местечко больше не котируется.

Ладно, мне бы и богачей попроще подошел. Здесь, в столице, у каждого десятого есть по миллиону на карманные расходы.

Перебросив через плечо сумку, выхожу из туалета.

В Московских клубах не протолкнуться в любой день недели, даже в понедельник.

У меня глаза слипаются, но домой я не поеду. По крайней мере, не сейчас. Я временно живу у своей бывшей одноклассницы, и сегодня у нее в гостях парень, поэтому она попросила меня поболтаться где-нибудь часов до трех ночи.

Еще и двенадцати нет.

Проталкиваясь через извивающуюся в танце толпу, добираюсь до одной из барных стоек. На всех других ловить нечего, я там уже была.

– Извините... – буркаю, без зазрения совести тесня плечом какого-то мужика в костюме.

Забираюсь на барный стул и проваливаюсь в свой выдавший виды телефон, чтобы бармен меня не беспокоил. У меня денег осталось ровно столько, чтобы не сдохнуть от голода и купить обратный билет в том случае, если Марина попросил меня съехать.

От этой мысли внутри все холодеет. Я не могу вернуться. Не могу. Если вернусь, придется все начинать сначала...

Слава Богу уже целых две недели у меня есть работа.

Я уже три месяца в Москве и три месяца околачиваюсь по клубам. Здесь миллионера не встретить, но можно найти... какие-нибудь полезные связи. Мне в жизни ничего и никогда не достается просто так, и эти чертовы связи тоже не достанутся. Жаль, что я не блондинка. По статистике, на них обращают внимание в три раза чаще. Но, с другой стороны, я бы не хотела родиться какой-то другой. Я брюнетка, и глаза у меня карие. Ну и что? Зато в Скандинавии это экзотика.

Толпа вокруг рассеивается, и становится легче дышать.

Подняв глаза, вижу, как к стойке в паре метров от меня подходит мужчина и знаком дает бармену сигнал. Тот быстро соображает и подает стакан, в котором плещется порция виски.

Опрокинув его залпом, мужчина просит еще, а у меня по спине бежит холодок.

Высокий, очень подтянутый брюнет с аккуратной короткой бородой, одетый в серый джемпер и черные джинсы. На вид ему за тридцать. На запястье присутствуют часы.

Я не разбираюсь в дорогих марках, хотя пыталась, поэтому его аксессуар мне ни о чем не говорит, но выглядит впечатляюще.

Опрокинув еще одну порцию, мужчина ставит стакан на стол и окидывает взглядом зал, а потом цепляется глазами за меня.

Опомнившись, выпрямляю спину.

Задумчиво проходится взглядом по моим ногам, потом по лицу и волосам, которые я предусмотрительно перебросила на одно плечо. Они у меня почти по пояс, и я не хочу, чтобы пряди застряли в молнии чьей-нибудь куртки или еще где-то.

Отвернувшись, брюнет просит еще виски и глотает его залпом, после чего просит счет.

В панике смотрю в свой телефон, чувствуя, как покалывает кожу на всех открытых участках тела.

Потому что он опять смотрит.

Мое сердце колотится как ненормальное.

Меня и раньше клеили в барах, это рутина, но то были сплошные голодранцы, которые подкатывали ко мне с одной-единственно целью – предложить быстрый перепих на заднем сиденье какой-нибудь машины. Я таких за версту чую. К моему берегу всю жизнь прибывает подобное дерьмо, потому что у меня лицо такое, а единственный парень, в которого я со школы была влюблена, выбрал мою одноклассницу, которая после вторых родов стала похожа на настоящую ленивую корову. Так ему и надо.

А этот...

Он другой.

Нос улавливает тонкий и неброский запах восхитительного парфюма, который хочется просто намазать на хлеб и съесть.

– Кого-то ждешь?

По рукам ползут мурашки.

Я новичок, и на глаз размер банковского счета определять не умею, поэтому терзаюсь.

Чего ему от меня надо – дело ясное, и мои ладони потеют, потому что я еще ни разу такого не делала – не уходила из клуба с мужчиной. Я понимаю, что рано или поздно это случилось бы. Не думаю, что путь в жены миллионера миновал бы его койку, но мне еще ни с кем не хотелось уйти, а сейчас...

Повернув голову, смотрю в бесстрастные глаза. Для этого мне приходится выгнуть шею. Он возвышается надо мной, закрыв широкими плечами обзор, и спокойно ждет, пока приму решение. И совершенно точно не расстроится, если оно будет не в его пользу.

Это говорит о том, что он совершенно точно не голодранец. Об этом свидетельствует многое. Спокойная уверенность в себе, расслабленность и полное отсутствие позерства, которое так любят нищebroды и от которого меня воротит.

Если уж в часах и шмотках я не особо разбираюсь, то в психологии – да. В пятнадцать я поступила в колледж на эту бесполезную и бесплатную специальность, правда, не закончила, потому что официанткам платят намного больше, чем школьным психологам, уж поверьте.

Сглатываю слюну, отчаянно мучаясь в нерешительности еще секунду, а потом отрицательно мотаю головой, отвечая на его вопрос:

– Нет.

– Как тебя зовут?

– Милена, – говорю, облизнув губы.

– А-а-а... – тянет он, будто прекрасно знает, что я вру.

Мои щеки начинают гореть.

– Выпить хочешь?

Я хочу есть, а не пить. Я поужинала бутербродом с сыром, чтобы не наедаться на ночь глядя. Если бы знала, что мне всю ночь скитаться, съела бы омлет.

– Нет... – отвечаю, стараясь смотреть ему в глаза, но из-за волнения не выходит.

– Мне завтра на учебу... И я не пью. И не курю.

Я всем говорю, что студентка МГУ и что мне двадцать. Студенток всегда лучше разбирают. Пока ты студентка, перед тобой все двери открыты, а вот когда ты выброшена во взрослую жизнь и все иллюзии разбиты, приходится сталкиваться с вопросом «чем занимаешься?», а на него сложнее найти подходящий ответ.

– М-м-м... – снова тянет он, постукивая пальцами по стойке. – Прокатиться хочешь?

Скосив глаза, смотрю на широкую ладонь с длинными пальцами, интуитивно примеряя ее к своему телу.

Опять сглатываю, понимая, что, если скажу да, обратного пути уже не будет.

Я хочу, чтобы он до меня дотронулся?

Каким бы состоятельным мужчиной ни был, я должна хоть немножечко его хотеть.

Скольжу взглядом вверх по серому джемперу, под которым отчетливо угадываются мышцы. На груди и руках. По шее с выпирающим кадыком, сомкнутым, правильной формы губам, которые окружает очень мягкая на вид щетина, и, наконец, смотрю в его глаза.

Засунув одну руку в карман джинсов, смотрит на меня в спокойном ожидании.

Он красивый.

Колеблюсь, сжимая в руках сумку.

Трусиха!

За все три месяца на меня ни разу не обратил внимания кто-то вроде него. От него деньгами за версту несет, правда, пока не знаю, какими именно. А еще от него несет подавляющей мужской энергетикой, и мне становится немного страшно. Таким, как этот, не повертишь, даже если вы всю жизнь женаты. Даже гипотетический муж из него никакущий!

Но, если откажусь, он просто найдет другую...

Очевидно, что я – это первое подвернувшееся ему сегодня под руку. И это моя удача.

– Хочу, – стараюсь звучать легко и непринужденно.

Мужчины не любят копаться в женских страхах и прочей психологии, поэтому я всегда строю из себя беспечальную и беззаботную.

Плавно и максимально грациозно спускаюсь со стула.

Я плюс десятисантиметровые шпильки – это далеко не Жизель, а в нем метр восемьдесят пять, не меньше, потому что мой нос еле-еле достает до его подбородка.

Окружив сухими теплыми пальцами мое запястье, ведет за собой к выходу. Пытаюсь разогнать стучащую в ушах кровь и начать соображать хладнокровно и расчетливо, но для этого не мешало бы побороть kloкочущее в груди волнение.

– Дай свой номерок, – говорит, обернувшись ко мне на выходе.

В ярком освещении вестибюля вижу, что глаза у него зелено-карие, и еще, что с возрастом я не ошиблась. Ему около тридцати.

Волосы и борода прекрасно гармонируют друг с другом и со всем остальным в его лице.

– Я сама, – освобождаю руку, делая шаг в сторону.

Бегло осмотрев меня с ног до головы, кивает на выход, говоря:

– Жду тебя на улице.

Развернувшись, уходит.

Топчусь на месте, жуя губы и глядя вслед высокой крепкой фигуре.

В его голосе, взгляде, жестах осязаемая ленивая скука по отношению к этому месту и ко мне в том числе.

Чем я буду его удивлять? Кажется, такого, как он, мне поразить просто нечем.

Выдохнув, забираю свое пальто и, зайдя в туалет, избавляюсь от сумки-мешка, в которой ношу сменную обувь. Я всегда возвращаюсь домой на метро, и кроссовки – это жизненная необходимость.

Выйдя на улицу, вижу его.

Положив руки в карманы джинсов, задумчиво смотрит в пространство.

Сырой осенний воздух забирается под мое платье. Заполняю им легкие, делая очень глубокий вдох.

Глядя на широкую спину перед собой, начинаю нервничать не на шутку. У меня в жизни было два мужика, и вспомнить там особо нечего.

Теряю эту мысль, когда он молча обходит капот припаркованного у бордюра спортивного «Мерседеса» и открывает пассажирскую дверь, глядя куда-то сквозь меня.

Я не верю в сказочки про то, что мужчина должен любить тебя такой, какая ты есть, даже когда ты не накрашена. Уж богатый точно, но сейчас чувствую себя абсолютно пустым местом, и от этого у меня сводит горло.

Лихорадочно пытаюсь придумать, о чем с ним говорить. Даже на глаз понятно, что общих тем у нас с ним ровно одна, и касается она того, что находится у меня между ног. Это все, что его во мне интересует. Я не уверена, что смогу это изменить, поэтому в очередной раз думаю о том, чтобы сбежать...

Нерешительно подхожу к открытой двери и, махнув рукой на капот, наигранно весело спрашиваю:

– Как называется этот цвет? «Пьяный маренго»?

Мой голос так позорно дрожит от волнения, что я краснею, делая вид, будто рассматриваю огромные черные литые диски «Мерседеса» за двадцать кусков. Я уже две недели работаю офис-менеджером в салоне и представляю себе, сколько стоит двухдверный спорткар в последнем кузове и в таком безумном цвете...

– «Серый хамелеон», – слышу я в ответ.

Подняв голову, встречаюсь глазами с прямым, полным ожидая взглядом. Но теперь, по крайней мере, он смотрит на меня, а не сквозь меня. И от этого я нервничаю еще больше.

Порыв холодного осеннего ветра ударяет в спину и подталкивает вперед, как чья-то невидимая рука.

Мужчина передергивает широкими плечами от холода, глядя на меня сверху вниз.

Я даже имени его не знаю. Только то, что его машина стоит как просторная двушка в Московской новостройке.

Решайся!

Поежившись, ныряю в теплый кожаный салон, и за мной тут же закрывается дверь.

Глава 2

Под рычание мотора вжимаюсь в кресло.

Кажется, я люблю скорость. Это плохо, потому что означает проблемы с инстинктом самосохранения, разве нет?

Терзая пальцами застежку сумки, кошусь на водителя.

Пытаюсь получше изучить черты лица человека, под которого собираюсь лечь после тридцати секунд общения.

Сжимая руль двумя руками, он сосредоточенно смотрит в лобовое стекло.

Машина разноцветная. Это говорит о том, что у ее хозяина, кроме денег, есть фантазия. Мандражу внутри меня на это плевать.

Если про тебя забыли, выжди немного и напомни о себе сама. Это не какой-то мудрец, это из Cosmo. И ещё, если не знаешь, что сказать, лучше помалкивай.

Мужчина выглядит глубоко задумчивым.

Мужчина...

Слово «парень» к нему ни с какого бока не применимо.

У меня никогда не было тяги к... мужчинам постарше, а сейчас я, как воровка, скольжу глазами по крупному широкоплечему торсу, разведенным коленям, его выпирающему паху...

Быстро отворачиваюсь к окну, принимаясь пересчитывать попадающиеся по дороге фонари, чтобы успокоить нервы.

Я и сама могу получить от всего этого удовольствие. Если захочу. Могу получить гораздо больше. Например, приглашение на какую-нибудь тусовку, где найду... все те же полезные связи...

Машина снова меняет полосу, обходя попутки.

Хватаюсь за потолочную ручку, ощущая прилив адреналина.

Посмотрев исподлобья, ловлю на себе мимолетный молчаливый взгляд, будто хозяин этой машины только что вспомнил о том, что он здесь не один.

Рассеянно мазнув по мне глазами, снова смотрит на дорогу.

Отвернувшись, делаю то же самое. Смотрю на проносящийся за окном проспект.

Сворачиваем с шоссе, и я вдруг вижу очертания знаменитых столичных небоскребов, а когда становится окончательно понятно, что мы направляемся именно туда, сердце ускоряет ритм.

Ого...

Снова кошусь на водителя.

Кто он такой?

Минуем КПП и ныряем в тоннель, а потом заезжаем в подземный паркинг.

Я здесь не бывала, только издалека видела, поэтому, когда выходим из лифта в вестибюль, стараюсь смотреть себе под ноги, чтобы не глазеть вокруг, как дикая.

Мой спутник уверенно движется вперед. Семеню следом, бросая взгляд на белую стойку администратора и стаю искусственных журавлей под потолком. Остановившись за его спиной, наблюдаю за тем, как мой спутник прикладывает к замку лифта карту и выбирает... семьдесят второй этаж.

Подняв глаза, встречаюсь с ним взглядом в зеркальной двери лифта.

Противное давление внутри меня нарастает с каждой минутой.

Весь этот мрамор так ярко подсвечен, что я вижу каждый нюанс его лица. Неглубокие морщины на лбу, легкий загар на коже, четкую линию челюсти под бородой. Зелено-карие глаза задерживаются на моих. Спокойные и неподвижные.

Я не умею так смотреть на мир. Будто ты уже везде успел. Я всю жизнь только и делаю, что куда-то спешу.

Тру вспотевшие ладони о пальто, отводя взгляд.

Лифт добирается до семьдесят второго быстрее чем за минуту. У меня закладывает уши. Усиленно сглатываю, глядя на коротко стриженный темноволосый затылок.

Семьдесят второй этаж – длинные широкие коридоры, закатанные в один сплошной мрамор. Свернув пару раз, останавливаемся у черной двери с номером 225Б. Она обита деревом и у нее электронный замок. Проведя по нему картой, мужчина открывает дверь, пропуская меня вперед, и тут же заходит следом. Упершись рукой в стену, сбрасывает туфли и проходит в апартаменты, по дороге включая свет.

– Ванная здесь, – надавливает ладонью на стену, и в ней приоткрывается замаскированная дверь.

Снимаю туфли и, прижав к груди сумку, осматриваюсь. Стопы ноют так, что мне хочется зареветь от облегчения.

Здесь нет никаких видимых шкафов, и я не знаю, куда деть свои вещи.

Господи, здесь потрясающе...

За сплошной стеклянной стеной ночной город с высоты птичьего полёта и соседние небоскребы.

Мы что, выше облаков?

Топчась на месте, пытаюсь осмотреться.

Вся мебель «мужская», и она точно с каких-то выставок, на которых висают всякие модные дизайнеры, которым платят огромные бабки за то, чтобы они обставляли твой дом чем-то немислимо дорогим и желательно ручной работы.

Я на такой была. Пыталась изучать дизайн, потому что это модно, но потом... просто бросила. Я никогда не смогу заниматься «дизайном», если не найду себе спонсора.

Достав из кармана перцовый баллончик, перекадываю его в сумку и снимаю пальто, аккуратно кладя его на безликий, а значит, дорогий комод у входа. Зажав под мышкой сумку, просачиваюсь в ванную и плотно прикрываю за собой дверь.

Найдя выключатель там, где ему и положено быть, смотрю на свое отражение. На свое лицо. У меня под глазами круги, и вообще вид замученный. Он такой, с тех пор как я сошла с самолета три месяца назад. Это от всей этой беготни и постоянного страха, что Марина попросит меня съехать.

Не знаю, что тогда стану делать...

Вернусь домой? И выйду замуж за первого встречного, чтобы убраться из квартиры, в которой была восьмой на очереди в ванную? Мой отец и мачеха, ее придурок-сын с женой и двумя спиногрызами, и моя младшая сестра.

Я готова все отдать, чтобы забрать ее оттуда. Но мне даже отдать нечего, потому что у меня своего почти ничего нет! И в городе, кроме Марины, у меня больше никого нет. И денег тоже почти нет, потому что в автосалон меня взяли на трехнедельную «стажировку», за которую не платят!

«Нет». Ненавижу это слово.

Вся эта роскошная обстановка невыгодно подчеркивает мое платье. Оно выглядит дешевкой, а моя фальшивая «Шанель» вообще кошмаром.

– Ну? – зло кручу все ручки подряд, пытаюсь включить дурацкий дизайнерский кран.

ЕМУ плевать на мое платье. И на сумку тоже, как и на меня саму.

Мою ледяные руки и проверяю, на месте ли презерватив, который всегда ношу с собой. Естественно, он на месте, куда ему деться...

Закрыв глаза, выдыхаю так, что раздуваются крылья носа, а когда открываю, выхожу из ванной, прихватив сумку.

Гостиная-студия оснащена хитрой подсветкой, которая вырывает из полумрака огромный угловой диван и два футуристических кресла и скрывает растянувшуюся по всей стене кухню.

Все это пространство имеет форму прямоугольника, и стеклянная стена вместе с городом за ней выглядят настолько нереально, что я не сразу понимаю – здесь никого нет. Двигаюсь вдоль окон, влекомая приглушенным голосом где-то поблизости. Дойдя до обеденной зоны со стеклянным столом на шесть персон, вижу полоску света на полу и открытую дверь, ведущую в отдельную комнату.

Пройдя внутрь, наталкиваюсь на голос хозяина.

– Я говорил не звонить мне на мобильный, – строго бросает он в трубку. – Ты забыл, в какой стране живёшь?

Повернувшись спиной, смотрит на ночной город, расстилающийся вокруг, потому что здесь три стены из четырех стеклянные!

Боже мой...

Вот это вид.

Но вместо того, чтобы открывать от восторга рот, я, наоборот, захлопываю его поплотнее.

Затаившись, смотрю на стоящую у стены высокую босую фигуру, одетую в черные джинсы.

Не надо было с ним ехать. Почему я сначала делаю, а потом думаю?! Почему?

Он не идиот, не безмозглый мажор. Он мужчина с очевидными навыками раздавать приказы и, судя по выговору, выпускник чертового МГИМО! Мне с таким никогда не справиться.

Но я уже стою в его спальне. Я согласилась на это сама. Куда мне деваться?

В отсветах потолочной подсветки отчетливо видны мышцы, впадины и бугры. Линия позвоночника и ямки у его основания. Я спускаюсь взглядом ниже. К узким бедрам и длинным ногам, на которых идеально сидят любые штаны, не сомневаюсь.

И раньше было понятно, что он не сахарный, но сейчас я просто в ступоре. Несмотря на зарождающуюся в душе панику, животные инстинкты откликаются мгновенно. Тело у него такое живое и сильное, что у меня по бедрам поднимаются колкие мурашки, которые скапливаются где-то между ног.

Совершенно точно у меня просто беда с инстинктом самосохранения.

«Тебе его явно недодали при рождении, Юля».

Настороженно смотрю на огромную кровать в центре комнаты, понятия не имея, что конкретно должна делать.

Раздеться и лечь?

– Завтра в офисе в десять, – оборачивается хозяин, окидывая меня взглядом.

Сжимаю ладони в кулаки и складываю на груди руки.

Положив трубку, он молча проходит по комнате и кладет телефон на прикроватную тумбочку.

Не моргая, рассматриваю широкие плечи.

Плоский живот, крупные ребра, проступающие косые мышцы пресса... поросль темных волосков на груди и ниже пупка.

Я в курсе, что такое голый мужчина. Но... этот отличается от тех, что я видела голыми раньше.

Смочив слюной присохший к небу язык, говорю ему тихо:

– Я не люблю жестокость.

Не глядя на меня, спрашивает:

– Что ты понимаешь под этим словом?

– Причинение боли, – злюсь от того, что мой голос звучит как комариный писк.

– Ясно, – говорит себе под нос, изучая содержимое прикроватного ящика.

Жду каких-то гарантий, но вместо этого он захлопывает ящик и просто укладывается на кровать прямо в джинсах, бросив на тумбочку пакетик с презервативом и закинув за голову одну руку.

Опускаю руки вдоль тела, впервые за все это время становясь объектом его внимания. Растянувшись на кровати и положив на живот ладонь, он начинает

изучение с моих слегка подрагивающих ног. Неторопливо поднимается вверх и окидывает взглядом лицо.

Хорошо, что здесь приглушенный свет, и он не видит, как я кусаю изнутри щеку и мечусь внутри себя кроликом.

Я знаю правила этой игры. Я приняла их, когда села в его машину. А потому делаю шаг к кровати.

Глава 3

Подойдя, тянусь к боковой молнии и расстегиваю платье. Стягиваю его через голову и бросаю на пол, оставаясь в одних чулках и черных кружевных стрингах.

У моего тела все пропорциональное, и грудь не исключение. Она не маленькая и не большая. Она такая, как надо. Такая, чтобы я могла надеть платье без лифчика, и это всем было бы понятно. В том смысле, что я могу себе это позволить...

Подхватив ладонью волосы, отбрасываю их за спину, наконец-то решаясь поднять глаза.

Соски сжимаются. От соприкосновения с прохладным воздухом и от его взгляда. Он смотрит, со спокойным интересом скользя взглядом по моему телу.

Подцепив пальцами стринги, стаскиваю их с себя и отбрасываю вслед за платьем. Именно от этого мои щеки начинают гореть огнем. Пока на мне был этот микроскопический кусок ткани, я не чувствовала себя голой, а теперь у меня даже кончики ушей горят, потому что там у меня ноль волос и от этого... чувствую себя уязвимой. Выставленной напоказ.

Шагнув к кровати, перекидываю через него ногу и усаживаюсь верхом на обтянутые черными джинсами бедра.

Я не стану ему отсасывать. Ни за что...

Наблюдает за мной, убрав за голову руку.

От контакта с его пахом меня начинает потряхивать. Он не возбужден. Я и не ждала, что он возбудится от вида моей груди. Еложу, упираясь руками в его пресс.

Рвано выдохнув, смотрю на рельефный торс между своих ног. Пытаюсь сконцентрироваться на ощущениях, но не выходит. Я не чувствую никакого контакта с этим телом, хотя оно в потрясающей форме.

Подняв глаза, смотрю в его лицо. Вблизи оно вызывающе мужское. Не похожее на те лица, что я видела раньше. Он просто... из другого теста, вот в чем дело. Совсем из другого теста.

Облизнув губы, провожу кончиками пальцев по его груди и животу, задевая короткие волоски, которые на ощупь оказываются жестковатыми.

Опустив глаза, он наблюдает за моими руками.

Добираюсь до пояса джинсов и вздрагиваю, получая толчок между ног.

От неожиданности издаю дурацкий всхлип.

Соски сжимаются до дискомфорта. Тягучего. Такого же, как и между ног. Сердце ускоряется, и руки начинают подрагивать, когда я повторяю процедуру и получаю еще один толчок.

Опустив голову и зажмурившись, непроизвольно двигаю бедрами и трусь о его нарастающую эрекцию. Тело подо мной вздрагивает. На бедра ложатся горячие ладони и сжимают их.

Мне хочется схватиться за свою грудь.

Слышу, как участилось его дыхание, и как тело ожило.

Упираюсь руками в подушку вокруг его головы. Не глядя в глаза, целую его грудь и делаю вдох.

Его запах взрывает мои рецепторы. Так, что я отшатываюсь. Вскидываю голову и смотрю в его лицо. Его губы приоткрыты, пальцы сжимают мою задницу, у него эрекция в два раза больше, чем секунду назад, но взгляд все такой же! Осмысленный и прямой.

Эмоциональное бревно. Вот он кто.

Он давит на меня внизу так, что я чувствую, как на его ширинку оседает влага.

Сжав пальцами подушку, раскачиваю бедра и трусь сосками о его грудь, уткнувшись головой в подушку.

– Блин... – шепчу, поджимая пальцы на ногах.

– Я привез тебя сюда не для того, чтобы в штаны кончить, – хрипло говорит он.

– Хочешь кончить? – дрожит мой голос.

– Разумеется. У меня стоит.

Отлично.

Меня так трясет, что я не против.

И закончим на этом наше знакомство. Я не сомневаюсь, что продолжения не будет.

Выпрямившись, хватаюсь за пуговицу на его джинсах и расстегиваю ширинку. Под штанами белые боксеры и здоровенный бугор. Дернув вниз трусы, достаю его эрекцию, сглатывая затопившую горло слюну.

Он вздрагивает, а я шиплю от прилива возбуждения, сжимая в руке его каменный член. Он у него просто идеально вписывается во все, что я уже о нем

знаю! Как и темные короткие волоски в паху. Меня прошибает пот.

Не смотрю ему в лицо, когда он берет с тумбочки презерватив и быстро раскатывает его по себе.

Я без секса уже два года, поэтому, когда пытаюсь на него опуститься, у меня ни черта не выходит.

Пытаюсь давить писки. Мне больно. Черт, черт, черт...

Он вибрирует в моей руке, когда пробую опять.

– Твою мать... – рычит, хватая меня за плечи.

Опрокидывает на спину и, усевшись на колени между моих ног, трет меня пальцами, распределяя влагу.

Кусаю кулак, вскидывая бедра. Его дыхание надо мной частое и тяжелое.

– М-м-м... – жмурюсь, отвернувшись, когда толкает в меня палец, надавливая большим на клитор, а потом добавляет второй.

Трахает меня ими. Сначала осторожно, а потом выворачивает их так, что меня подбрасывает на матрасе. Впиваюсь ногтями в его запястье, вскрикивая.

– Нет! – рычу, отползая.

Его пальцы давят на эту проклятую точку «Джи», в которую я никогда не верила. Рука сжимает мою шею, заставляя лежать смирно.

Это так остро и непонятно. Я не знаю, что делать с этими ощущениями, и что должна от них получить! Но уж точно я не хочу выяснять это с ним здесь и сейчас.

– Отпусти! – изворачиваюсь, пытаюсь свести ноги.

Смотрю на него в панике и встречаю почерневший давящий взгляд.

– А-а-а-а... – визжу, когда он понимает, что нащупал все нужные места, и нажимает на них одновременно.

Мои бедра взлетают вверх. Его рука на моей шее давит, не душа, а потом вдруг отпускает. Как только это происходит, я просто запрыгиваю на его колени. Как ненормальная. Обхватив рукой свой член, помогает на него опуститься. Опускаюсь нетерпеливо, царапая его плечи. На секунду сжимаюсь от дискомфорта, но плюю на него.

Он начинает двигаться, толкая на себя мои бедра. Падает вместе со мной на кровать, начиная вколачиваться так, что перед глазами пляшут белые круги. С еле слышным стоном, на который мне плевать, пытаюсь сдержать собственные, кусая губы и сжимая челюсти.

Я забыла эти ощущения. Забыла, каково это. А теперь вспомнила так, что начинаю постанывать на каждый его толчок.

– Как ты кончаешь? – хрипит надо мной, замерев и вжав мои бедра в постель своими.

Мое сердце колотится, и кровь шумит в ушах.

– Никак... – отрезаю, коротко дыша.

Я не собираюсь с ним кончать. Я ни с одним из своих мужиков не кончала. Потому что... не могла. Не могла, потому что не хотела. И с ним не хочу. Оргазм – это... слишком личное. Я не могу делить его с кем попало. Просто не могу.

– Просто... закончи и все... – роняю руки, убирая их с его ягодиц.

Дышит рядом с моим ухом, и его сердце бьется о мое. Отчетливо и сильно.

Дышит целую вечность, и я напрягаюсь.

Резко выпрямляется, упираясь коленями в матрас. Схватив за предплечье, дергает меня на себя, заставляя развернуться и прижаться спиной к его груди, а задницей к паху. Он такой сильный, что сопротивляться – это как лупить хворостинами шпалу!

Пусть просто закончит, и все...

Дыша в мою шею, рукой проталкивает в меня свой член, чем вызывает непроизвольный стон. Сдавлив рукой ребра под грудью, шире разводит колени и, опустив пальцы на мой клитор, начинает двигаться.

Из меня вырывается стон, и тело прошибает током. Его бедра подбрасывают мои, заставляя тереться о сильные пальцы, которыми он не двигает, до тех пор пока я не вскрикиваю, пропуская по ногам дрожь.

И тогда он начинает выверенно их вращать.

– Нет! – царапаю его руку, пытаюсь вырваться. – Отвали!

Моя спина выгибается, и я начинаю метаться в этой хватке.

Я не буду с ним кончать!

Не буду, не буду, не буду...

– Отвали! Отпусти! А-а-а-а...

Сдвинув руку, сжимает ладонью мою грудь, ускоряя толчки, чтобы поспеть за мной!

Козел!

Мудак!

Кончаю со стонами, теряя контроль над собой. Не замечаю, как мое лицо встречается с подушкой, чувствуя только взрыв между ног, который колотит мое

тело.

По спине струится пот. Не пытаюсь шевелиться, одним глазом наблюдаю за тем, как по стеклянным стенам барабанит дождь. В отражении стекла вижу голую мускулистую фигуру, скрывающуюся в ванной.

Давя слезы, закрываю глаза.

Я так хочу спать, что готова сделать это прямо в его постели.

Глава 4

Стоило пойти на все это просто для того, чтобы оказаться на таком матрасе.

На все.

На восьмичасовой перелет, в котором я поняла, что это самое кошмарное из того, что может случиться с человеком в жизни. На секс с богатым самоуверенным говнюком, который... два раза сделал то, о чем я его не просила. Второй раз я даже не сопротивлялась, просто позволила ему получить от меня то, что этому козлу нужно.

Пусть подавится.

Меня возбуждало его тело. И его запах, и его эрекция. И все, что он ею и всем остальным делал, тоже. Даже его чертовы команды. Так что пусть подавится. Словить с ним оргазм было не так уж сложно.

Он и двух слов мне не сказал, а потом просто ушел спать куда-то еще.

Подтянув колени к животу, морщусь от тянущей боли между ног и во всем теле.

«На колени...»

«Вот так... прогнись...»

Вперив взгляд в плывущий по Москве-реке прогулочный катер, прислушиваюсь к тому, что происходит за дверью комнаты. С высоты семьдесят второго этажа катер выглядит как букашка. Город повсюду. Движущийся и серый, потому что опять идет дождь.

Безликие круглые часы на стене показывают почти час дня. Я проспала до обеда?!

За дверью очень громко работает пылесос. За этим шумом с волнением пытаюсь различить голоса, но не различаю.

Что, если он там? Как себя вести?

Мои сомнения быстро развеиваются, когда глаза упираются в две купюры по пятьсот долларов и ключ-карту, лежащие на прикроватной тумбочке с белой мраморной крышкой. Это снимает все вопросы. Все терзания могут катиться под гору. Мне оплатили за услуги, и теперь я свободна.

Полезные связи. Закрытые вечеринки. Как же.

Он снял меня в клубе, отымел и заплатил. Как шлюхе. Только я уйду, здесь сменят белье, а это сожгут. А я лежу тут и думаю, хочу ли связываться с этим типом еще раз. Я тут вообще ничего не решаю.

– Дура... – бормочу, садясь на роскошном матрасе, к которому тянет обратно.

Второй раз он захотел без чулок. Один валяется на полу у кровати, другой под подушкой.

От меня несет сексом и... его запахом. Туалетная вода и еще дезодорант. Терпкие дорогие запахи.

Найдя в сумке резинку для волос, опомнившись, проверяю свой паспорт в потайном кармане на замке и газовый баллончик, который всегда ношу с собой.

Пройдя в дверь ванной, обнаруживаю там гардеробную размером с квартиру Марины, а за ней ванную. Гардеробная пустая, а в ванной полный сервис.

– Целая долбаная Нарния, – пытаюсь разобраться со смесителями, пробуя все варианты подряд.

На то, чтобы открыть воду, уходит вечность. Принимаю божественный душ, сжавшись под ним от кайфа. Вода такая мягкая и горячая. Без запахов. Эта квартира как параллельная реальность. И раз уж я здесь, пробую все банки с гелями подряд. Смываю с лица косметику, с тоской думая о том, что придется снова надеть туфли и каким-то образом добраться до метро. Под дождем. Зонта-то у меня нет.

Осталось только решить, что делать с моими «чаевыми».

Глядя на две зеленые бумажки, жую губы.

Целая тысяча долларов!

Если возьму, это будет означать, что я шлюха. Не для меня. Я не виновата в том, что этот мир так устроен. Что в нем выживает только тот... кто закрывает глаза на некоторые принципы. Но если возьму эти деньги, ОН решит, что я шлюха.

Плевать что он решит, мне очень нужны деньги. Я его больше никогда не увижу.

Я не шлюха. Я «студентка»!

Ты дура.

Закрыв глаза, делаю очень долгий выдох.

Черт, черт, черт...

Дрожащей рукой достаю из паспорта пятьсот рублей. Согнувшись, ручкой пишу на них номер своего телефона и кладу поверх зеленой тысячи.

Как тебе такие «чаевые»? За два оргазма не мешало бы дать две, но у меня есть только одна купюра.

Давя глумливый смех, хватаю ключ-карту и, чтобы не передумать, вылетаю из комнаты в гостиную, где на меня снова со всех сторон обрушивается город и дождь.

Женщина «восточной» внешности бросает на меня немой отстраненный взгляд, продолжая собирать пылесосом несуществующую пыль с дивана. Опустив голову, прохожу мимо к входной двери.

Холл небоскреба набит людьми, но на меня никто не обращает внимания. Кроме охранника и консьержа за длинной белой стойкой. Это пожилой мужчина в рубашке и очках. Улыбнувшись ему, ковыляю к стеклянной вертушке, понуро замечая справа от нее подставку, набитую одинаковыми белыми зонтами-тростями. Дернув за ручку, беру себе один и выхожу под промозглый октябрьский дождь.

Перед глазами стоит отеческая улыбка престарелого консьержа, которой он ответил на мою.

Сделав еще два шага, сжимаю в кармане ключ-карту, без которой тут нельзя вызвать лифт. Сжимаю ручку зонта и не мигая смотрю на сбитые носы своих туфель.

Пошло оно все! Почему бы и нет?

Развернувшись, возвращаюсь в здание, делая вид, что сосредоточена на складывании зонта. Бросив косой взгляд на консьержа, топчусь у входа, облизывая холодные губы и подрагивая от холода. Мужчина поправляет очки и смотрит на меня с нейтральной дежурной улыбкой. В ответ посылаю ему дрожащую улыбку и медленно иду к стойке, бегая взглядом по полу и потолку.

Просто сделай это. Тебе ничего не будет. Никогда не узнаешь, какими гибкими могут быть люди, пока не попробуешь. Но от волнения у меня пересохло горло. Я ужасная актриса, но сейчас почти не играю. Я действительно на взводе.

– Э-м-м... добрый день... – останавливаюсь перед стойкой, отлично представляя, как жалко я сейчас выгляжу.

– Чем могу помочь? – любезно осведомляется консьерж.

– Э-м-м... – оборачиваюсь, чтобы убедиться в том, что тут рядом никого нет. – Понимаете...

Он терпеливо ждет, продолжая улыбаться.

– Понимаете... – понижаю голос до доверительного шепота. – У меня есть вот это...

Кладу на стойку ключ-карту, и моя рука выглядит жутко бледной и бескровной.

– Да, – поправляет он очки. – Это карта для наших электронных замков. Вам показать, как пользоваться?

– Нет... понимаете, – прячу глаза, начиная багроветь и лепетать. – Я поднялась, а хозяина... дома нет. Но он мне очень нужен, потому что...

Черт, черт, черт...

Посылаю ему полный отчаяния взгляд, очень надеясь на то, что у него есть дочь моего возраста или хотя бы около того.

Опустив руку, кладу ее на свой живот и хрипло повторяю, позволяя глазам увлажниться:

– Он мне очень нужен...

– О... – бросает быстрый взгляд на холл за моей спиной консьерж.

По моей щеке бежит слеза. У меня отваливаются ноги. Я голодна. Голодна настолько, что готова свалиться в обморок. Так что добавляю к этой слезе еще одну.

– К сожалению, я тут ничем не могу помочь... – начинает нервничать мужчина. – Может, вам воды? Вы что-то бледненькая.

– Я... – глотаю слезы, облизывая пересохшие губы и заглядывая в его глаза. – Мне хотя бы узнать его имя... понимаете? Я не знаю, что мне делать... – сжимаю узел пояса на животе, слегка качнувшись.

– Не положено... – бормочет бедолага, начиная что-то перекладывать с места на место под своей стойкой.

– Я никому не скажу... клянусь, – шепчу в сердцах. – Пожалуйста, помогите. Я не знаю, что мне делать... он должен хотя бы узнать об... об этом... – глажу свой живот, чувствуя горячие дорожки слез на щеках.

Минуту спустя холодный мокрый ветер остужает их. Утираю рукавом пальто нос, хлюпая им по инерции, и суетливо разворачиваю аккуратно сложенный вдвое клочок белой бумаги.

Читаю три раза. А потом еще три.

«Роман Гец».

Скомкав бумажку, выбрасываю ее прямо на тротуар и, собравшись с силами, пытаюсь понять, как найти метро.

Глава 5

Запах растворимого кофе бодрит меня ровно настолько, чтобы держать глаза открытыми. Закинув в рот омлет, жую его, бездумно глядя в стену. Я проспала почти десять часов и все равно не выспалась. Мне не привыкать спать в одном помещении с посторонними людьми, я занимаюсь этим с шестнадцати лет. С тех пор как мой отец повторно женился, и нашу квартиру оккупировали новые «родственники». Но в этот раз все сложнее, потому что парень Марины... он меня ужасно нервирует.

Он из той породы людей, которым доставляет удовольствие ставить кого-нибудь в неловкое положение. Своими вопросами или замечаниями вроде – как дела на работе? Хотя он прекрасно знает, что до недавнего времени никакой работы у меня не было.

– Привет, Юлек, – вваливается он в маленькую кухню, голый до пояса.

– Привет, – резко отвернувшись, делаю глоток из кружки и смотрю в окно, за которым со вчерашнего дня поливает дождь.

Воспоминания о вчерашнем дне преследуют меня, на какой бы бок я ни перевернулась этой ночью. И прежде всего, потому что мое тело все еще не очухалось от... от... такой интенсивной эксплуатации.

Боже, что я несу?

– Приготовишь мне бутерброд? – возникает Игорь за моей спиной.

Бросаю свой кофе недопитым.

Он громадный качок и весьма недалекий, хотя, наверное, об этом не догадывается. Его тело не нравится мне так же, как и он сам.

– Опаздываю, – выхожу из кухни, стараясь на него не смотреть.

Он вечно на меня пялится. Вечно подходит ближе, чем нужно. Смотрит так, что мне не по себе. Пытается заглядывать в глаза и делает это, не моргая. Когда он заявляется, меня не нужно дважды просить «поболтаться» где-нибудь.

Я не хочу проблем с Мариной!

Мне не нужен ее парень. Все, что мне нужно, – это мой надувной матрас и еще немного времени. Но теперь этот Игорь околачивается здесь постоянно, и я боюсь того, что в один ужасный день они съедутся.

Я никогда ему не грублю. Никогда не говорю того, что в действительности о нем думаю, но, кажется, он и без слов это понимает. И это его злит.

Влетаю в возникшую передо мной Марину, бормоча:

– Ой, извини...

Ее взгляд изучает мое лицо, а потом кухню за моей спиной.

Мы никогда не были особыми подругами, но я сидела за одной партой с ее близняшкой Кариной. Они обе уже в восьмом классе носили лифчик, а я была тощая и плоская со всех сторон, поэтому у нас не нашлось тем для разговоров. Когда я заселилась на ее матрас, она так на меня не смотрела. Все из-за него. Из-за этого Игоря, который пялится на меня, хотя я его не просила!

Я так боюсь, что Марина попросит меня очистить помещение, что мгновенно теряю аппетит.

– Уходишь? – спрашивает она, возникнув в дверном проеме.

На мне белая блузка и черная юбка, поэтому вопрос кажется странным.

– Да... – подхожу к своему матрасу и начинаю приводить его в порядок. – На работу.

– Когда там у тебя стажировка заканчивается? – интересуется она между делом, подходя к своему шкафу.

– Через неделю... – отвечаю, чувствуя панику.

Я совершенно не уверена, что мне предложат работу вот так сразу.

– Ясно, – уходит она на кухню, оставляя меня одну.

На меня обрушивается злость на себя саму.

Почему я не взяла те деньги? Почему мне вечно нужно... выпендриться, а?

Он не позвонит, это же очевидно.

Роман Гец.

Запрос в моем поисковике ничего вразумительного не дал. Я по-прежнему не имею никакого понятия о том, кто он такой. Одно могу сказать точно, все, что его окружает, высшего качества. Уверена, и женщины у него такие же, а меня... кажется, меня он просто насквозь видел. Поэтому я не взяла его деньги. Потому что ужасная дура...

Слышу приглушенные голоса на кухне и запихиваю под подушку свою пижаму.

Мне нужно срочно убраться из этой квартиры. Подальше от этого Игоря. Быстро надеваю пальто и ботинки. Достав из шкафа свой сувенирный белый зонт, выхожу за дверь.

Раскрыв его и выудив из кармана телефон, нахожу в ленте номер сестры. Смотрю на мокрые кленовые листья под ногами и нажимаю вызов:

– Алло... – булькает она в трубку спустя один гудок, как будто сидела со своим телефоном в обнимку.

Я слышу, как хлупает ее нос, и начинаю злиться. Вариантов того, кто мог ее обидеть, предостаточно.

– Привет, Морковка, – зову ее, перебегая через дорогу.

– Привет... – выдавливает из себя Рита.

– Что случилось? – требую я.

– Ничего... – выкрикивает звонкий детский голос. – Галя заставляла меня есть гречку, а она у нее ужасная, как песок!

– А ты что? – делаю я вдох.

– Я сказала слово на букву «д», – выпаливает сестра. – То, которое плохое!

Отлично.

Дерьмовее не бывает.

– Мы с тобой сколько раз про это говорили? – пеняю ей.

– Но ты сама так про ее гречку говорила...

– Что за слезы? – опять вздыхаю я.

– Она на меня наорала! – снова выкрикивает Рита. – Так орала, что я заплакала...

Жена моего отца просто нездоровый человек. У нее проблемы с нервами, и она... просто чокнутая ведьма. От возмущения и беспомощности я начинаю багроветь.

Шум подъезжающей электрички глушит голос Риты, но когда захожу в вагон, слышу жалобное:

– Когда ты приедешь за мной?

– Пока не знаю, – закрываю я глаза, устроившись на первом попавшемся сиденье.

– Ты так постоянно говоришь, – с обидой всхлипывает моя десятилетняя сестра.

Я так соскучилась, что сама готова разреветься. Здесь, в этом городе, ее голос как напоминание о том, кто я вообще такая.

Я сказала ей, что приеду... хотя на самом деле не должна была ничего обещать. Я понятия не имею, как забрать ее оттуда. Сама в этом городе на птичьих правах. Все это разрывает мою голову на части!

Мы не похожи. Я пошла в мать, а она в отца. У нее жиденькие светлые волосы и голубые глаза. И она очень маленькая для своего возраста. Учится с двойки на тройку, потому что никто не следит за ее оценками. И тот, кто сказал, что у всех есть хоть какие-то равные возможности в этой жизни может засунуть это дерьмо себе в задницу.

– Пришли мне... какую-нибудь фотографию... – просит она все с той же обидой. – Красивую...

– Пришлю, – обещаю ей. – Завтра позвоню.

– Угу... – бормочет она.

Кладу трубку и натягиваю на колени пальто. Холодный сквозняк гуляет по коленям, а на мне капроновые колготки.

После каждой остановки людей все прибавляется и прибавляется. К тому времени, как доезжаю до своей станции, выбираться из вагона приходится с боем, но это утро становится еще безнадежнее, когда понимаю, что оставила в вагоне свой сувенирный зонт с логотипом знаменитого столичного небоскреба.

Отряхнув руки над умывальником, вытираю их бумажным полотенцем и подтягиваю повыше пояс своих черных брюк. У меня нет подходящего для них ремня, и это катастрофа, потому что в последние дни штаны с меня просто сваливаются.

Глядя на себя в зеркало, приглаживаю волосы.

Если так пойдет дальше, у меня ни груди, ни задницы не останется.

Мужчины не бросаются на кости.

Я не смогла нормально позавтракать, потому что у Марины опять гостил ее качок, так что желаю всем мужикам катиться куда подальше вместе с их

предпочтениями.

Тяжко вздохнув, закрываю кран.

Выйдя из туалета, прохожу через торговый зал автосалона и занимаю свое место за стойкой администратора. Здесь никогда не бывает много посетителей, поэтому большую часть дня просто невыносимо скучно.

За стойкой нас двое. Я и Ксюша, она тоже стажер, но ни одной из нас пока не предложили работу.

– У тебя телефон звонил, – говорит она, листая какой-то автомобильный журнал.

Постучав ручкой по блокноту, откашливаюсь и спрашиваю:

– Эм-м-м... можно у тебя переночевать?

– Когда? – удивляется она, подняв на меня глаза.

Мои щеки немного краснеют.

Не хочу, чтобы все здесь знали о том, что я бездомная. Но Ксюша... приятная. Даже милая. И она беззаботная...

Прикусив губу, отвечаю:

– В принципе...

– А-а-а... – тянет моя напарница. – Ну... наверное, можно...

– Спасибо... – прячу от нее глаза и снимаю с телефона блокировку.

Вижу пропущенный с какого-то неизвестного номера и сообщение от Риты.

– Милена...

Убираю телефон и поднимаю голову. Натянув улыбку, смотрю на нашего менеджера Альберта, рядом с которым клиент.

Здесь, в автосалоне, настоящие джунгли. То есть каждый сам за себя и все друг друга ненавидят. Из-за постоянной конкуренции в основном, ну, или из-за магнитных бурь. Я где-то читала, что от них растет напряжение. Не в домах или кабинетах, а по всей планете. Может, из-за этих чертовых бурь у меня на этой неделе все наперекосяк?

Магнитные бури ни при чем. Просто я устала. Однажды там, дома, я отработала официанткой три смены подряд. До сих пор не знаю, как умудрилась это сделать и не уронить кому-нибудь на голову тарелку. Последние три месяца моей жизни прошли примерно так же – на автопилоте.

– Да? – подаю голос, вставая.

– Проводи нашего гостя в зону ожидания, – просит Альберт.

– Хорошо, – выхожу из-за стойки и натянуто улыбаюсь худощавому парню, который смотрит на меня слегка заторможенно.

На мое лицо, потом на ноги и опять на лицо.

Кажется, оно поразило его воображение. Я к такому давно привыкла. На меня клюют все подряд, с тех пор как в шестнадцать я пошла на свою первую дискотеку.

– Красивое имя, – слышу за спиной, когда подвожу парня к диванам в задней части зала.

– Спасибо, – говорю, выдавив улыбку.

– Я Леонид, – сообщает он, продолжая восторженно на меня пялиться.

Что касается его самого, смотреть там не на что. Он некрасивый. Тощий, нескладный, и мы почти одного роста.

Тем не менее он покупает себе новый «Мерседес», и у него нет кольца.

Он не в моем вкусе.

Настолько не в моем, что даже разговаривать с ним об именах не хочется.

Но мне ведь не пять лет!

Он на крючке. Будто не видел до этого красивых девушек. Это говорит о том, что он самый настоящий лох. Даже несмотря на то, что у него есть деньги на новый «Мерседес». Конечно, не на спортивный турбированный спорткар сумасшедшего серо-зеленого цвета, потому что такие в салоне не купишь.

За прошедшую неделю я должна была забыть все, что связано с тем «Мерседесом» и с его хозяином, но это не так просто сделать, учитывая то, что у меня в принципе не так много в жизни того, о чем можно вспомнить.

Надеюсь... господин Гец, или как там его, рад, что в кои-то веки хоть кто-то оплатил его услуги.

Я думаю, что такому циничному козлу, как он, это до лампочки.

– Можно просто Леня, – добавляет парень.

– Кофе хотите? – указываю рукой на кофейный автомат, терзаясь и не зная, что мне делать.

Внешность в человеке не главное, уж это я отлично усвоила, поэтому пытаюсь посмотреть на ситуацию еще под каким-нибудь углом.

С виду этот Леня полный лопух. Топчется и мнетя, продолжая бросать на меня горящие взгляды.

– Сделаете мне кофе? – нервно выдает он невпопад.

– Это автомат самообслуживания, – стараюсь звучать весело и непринужденно, – если что-то понадобится, я буду за стойкой.

Развернувшись, медленно возвращаюсь на свое рабочее место и тру виски, пытаюсь решить, что делать, когда он попросит номер моего телефона.

Сегодня я вообще ни о чем не хочу думать...

Зло воткнув телефон в зарядку, проваливаюсь в вызовы. Решаю, стоит ли перезванивать тому неизвестному, но вопрос снимается, когда на экране всплывает еще один входящий вызов от него же.

Я не боюсь неизвестных номеров, но на прошлой неделе мне позвонила учительница Риты, чтобы поставить в известность о ее кошмарной успеваемости. Я училась в той же школе, и она прекрасно знает о том, что отставание в учебе – это у нас семейное.

Опустившись на свой стул, вжимаю голову в плечи и прячусь за стойкой от камеры, потому что ведение частных разговоров во время рабочего дня тут не приветствуется.

– Алло? – положив на ладонь лоб, принимаю вызов.

– Привет, – слышу голос, от которого мои глаза распахиваются, а сердце останавливается.

Я точно знаю, кому принадлежит этот голос, даже искаженный посторонними шумами.

Посмотрев на Ксюшу, жестом показываю, что мне нужно отойти. Она изображает пальцами «окей», глядя с любопытством, потому что вид у меня такой, будто я впервые услышала о том, что Земля круглая, а не какая-нибудь плоская.

– Привет... – наконец-то нахожу в своих пляшущих мыслях подходящее слово.

Опустив глаза, игнорирую недовольный взгляд Альберта, который направляется к нашей стойке в компании еще одного клиента.

Войдя в туалет, прислоняюсь спиной к стене и пытаюсь успокоить зачастившее сердце.

Это он!

– Я нашел твое послание у себя на тумбочке, – спокойно продолжает Роман Гец, – если это предложение повторить, то я не против.

Мне приходится три раза прокрутить его слова в голове, чтобы понять, о чем он вообще говорит. И то, что он не сомневается в том, что я вот так, с первого раза, пойму, о какой конкретно тумбочке идет речь, намекает на то, что у него... просто трехэтажное эго!

Боже...

И что я должна ответить?

В панике пытаюсь решить, что мне со всем этим делать?!

Повторить?

За деньги?

Что значит это предложение?

– Повторить? – спрашиваю заторможено, будто только что услышала новое слово.

– Да, – слышу в трубке. – Так что?

Даже если закрыть глаза на то, что я просто шокирована этим звонком, от его предложения в моем теле загораются маленькие горячие лампочки, от которых все вдруг становится очень чувствительным, особенно мои соски, которые

неожиданно царапает ткань лифчика.

Его тело... оно очень в моем вкусе. Все эти мышцы, впадины и бугры. И то, что у него ниже пояса, тоже. Память подбрасывает подходящую картинку, и я чувствую напряжение там, где и положено.

Черт.

Переспать с ним еще раз?

Мне нужен спонсор, а не... любовник, у которого я не взяла денег!

Если он предложит их опять?

Полезные связи, закрытые клубы.

Я уже неделю ни в одном ночном клубе не была, потому что меня от них тошнит.

С деньгами или нет, кажется, это мой очередной шанс, и спонсор этого мероприятия в ответ на мое затянувшееся молчание все так же спокойно спрашивает:

– Это значит «нет»?

– Нет... – хрипловато говорю я. – То есть да...

Господи!

– Да?

– Да... – выпаливаю. – Я хочу... повторить.

Кажется, я ввязываюсь в какую-то ужасную авантюру. Но он не извращенец. Не банкир с огромным пузом. Он.. Вообще-то, он просто чертов красавчик. Я не знаю, у кого просить совета. Мне не у кого его просить.

– Сегодня в семь, – продолжает мужчина. – Пришли адрес, я вызову тебе такси...

– Нет... – быстро возражаю я, не успевая сочинить ничего подходящего. – Я... я сегодня работаю...

– Тогда завтра.

– И завтра тоже.

Он молчит, а я в панике жую губы.

Несмотря на то, что мы будто о погоде говорим, я прекрасно помню, кто он такой. Он человек, живущий в столичном небоскребе.

Теперь он найдет другую?

Но я понятия не имею, что из всего этого выйдет! Мне нужна эта работа.

– Выбери день сама, – произносит наконец-то.

Что-то щелкает в животе. Я не знаю, что это, облегчение или страх. Я подцепила миллионера, с которым не знаю, что делать.

Он хочет, чтобы я осталась на всю ночь? Черт, черт, черт...

– Послезавтра, – говорю ему.

– Время? – терпеливо подталкивает он.

– Любое...

У меня выходной, и...

– Семь вечера. Пришли адрес. Если что-то изменится, отправь информацию на этот номер.

– Ладно... – сглатываю слюну, пытаюсь промочить горло.

– До встречи.

– Да...

Кладет трубку, оставляя меня один на один с окружающим миром. То есть с холодной кафельной туалетной стеной. Смотрю в нее, пытаюсь привести в порядок мысли, точно зная, что следующие два дня будут тянуться целую вечность.

Закрыв глаза, обнимаю себя руками.

Стоило согласиться хотя бы для того, чтобы провести ночь где-нибудь подальше от парня Марины. И подальше от нее самой, потому что с каждым днем мне там рады все меньше и меньше.

Глава 6

– Что такое презерватив? – запыхавшимся голосом тараторит в трубку Рита. – Это такая жвачка, да?

Прислонившись спиной к старой кирпичной стене, строго спрашиваю:

– Откуда ты взяла это слово?

– Рекламу видела по телеку, – сообщает она. – Так это жвачка, да?

Киваю пожилой соседке, выгуливающей белого пуделя, и делаю шаг назад, чтобы спрятаться в тени за углом дома. Я не хочу, чтобы парень Марины видел меня. Он может вернуться с работы, и случайно пересечься с ним – это последнее, чего бы мне сейчас хотелось.

Вдохнув сырой холодный воздух, отвечаю:

– Это не жвачка.

Понятия не имея, что должна говорить.

Пытаюсь вспомнить, что знала о презервативах в ее возрасте.

О них я узнала в шестнадцать, причем опытным путем, и я это была ошибка.

– А что тогда? Аня говорит, что знает, но не расскажет. У неё дома есть интернет...

– Кто такая Аня? – перебиваю ее. – Тебе ещё рано знать, что такое презерватив.

– Аня со мной в классе. У нее по математике четверка, мы сегодня будем заниматься.

Какая ещё Аня? Я про такую в первый раз слышу.

– Где заниматься?

– У нее дома.

– А ее родители?

– У нее мама медсестра. Она сегодня на работе.

– А отец?

– Не знаю.

– Рита, – выпрямляюсь и отрезаю. – Ты сейчас пойдешь домой. Никаких Ань!

Я лучше чем кто-либо представляю, чем будут заниматься две десятилетки без присмотра старших и при наличии интернета. Уж точно не математикой. У Риты по математике перманентная двойка, и я ничего не знаю об этой Ане.

Мне придется позвонить учительнице. Я так не хотела этого делать, будто сама все еще школьница, но надо узнать, кто такая Аня. И спросить номер телефона ее матери.

– Не пойду домой! – ожесточенно выкрикивает сестра.

– А я сказала – домой!

– Нет!

– Рита! – предупреждаю я. – Позвоню через час, если тебя не будет дома...

– Ненавижу тебя!

Ее крик сменяют короткие гудки.

– Засранка! – рычу я.

Откинув на стену голову, делаю глубокий рваный вдох, давя непрошенные слезы. В последнее время я стала такая... дерганая, что мне самой противно. Я должна быть легкой и воздушной, именно к таким все тянутся.

Всхлипнув, подставляю щеки ветру.

Ни за одного человека на этом чертовом свете я не боюсь так, как за нее. Я знаю, сколько дерьма может прицепиться к находящемуся без присмотра ребенку, тем более такому вспыльчивому, как моя сестра.

Шелест шипованных шин по асфальту заставляет мое сердце сделать небольшой рывок.

В узкий, присыпанный желтыми листьями двор въезжает машина такси класса «комфорт». Об этом сообщает поступившее на мой телефон сообщение от адресата «Богатый говнюк». Не думаю, что человек, у которого откуда-то завалялись лишние десятки миллионов может оказаться не говнюком. Славные и милые парни становятся миллионерами в исключительных случаях, уверена.

– Да уж... – шмыгаю носом, быстро засовывая в карман телефон.

Усевшись на заднее сиденье машины, складываю на коленях руки и бездумно слежу за тем, как меняются за окном картинки.

Больше не хочу думать.

От мыслей и волнений мне кусок в горло не лезет. Особенно последние дни, потому что я все еще не принята на работу, хотя моя стажировка уже три дня как закончилась. Я очень старалась. Ни разу не опоздала. Ни разу не спустила на тормозах ни одного телефонного звонка! Чего им еще надо?

Прижавшись лбом к стеклу, проваливаюсь в фотографии на своем телефоне и листаю, решая, что лучше отправить сестре, Кремль или... небоскрёбы, а когда вижу их совсем близко, сжимаю телефон в ладони.

Внутри этого огромного района настоящий муравейник. Машины, люди и опять машины, и, несмотря на то что я уже бывала здесь, совершенно ничего не узнаю и не ориентируюсь тоже. Здесь внутри гораздо больше всего, чем кажется снаружи. Здесь настоящий город в городе. Один Бог знает, как я вообще смогла выбраться отсюда самостоятельно.

Машина заезжает на парковку перед плоским и бесконечным зданием, и среди припаркованных там автомобилей яркой вспышкой пролетает зелено-серый «Мерседес».

Машина тормозит через пару рядов, и я понимаю, что мне пора выметаться.

В лицо ударяет порыв ледяного ветра, от которого спирает дыхание. Скручиваю жгутом волосы и прячу их под пальто. От холода вжимаю голову в плечи.

Добравшись до «Мерседеса», вижу, что внутри никого. Топчусь на месте, но, как только оборачиваюсь, вижу пересекающую парковку мужскую фигуру, и у меня в животе что-то ухает вниз.

На нем серая водолазка, джинсы и кожаная куртка, на ногах строгие ботинки, и я клянусь, что он не выглядит миллионером, хотя до него я ни одного не встречала.

Он выглядит, как обычный человек.

Ну, почти.

Как обычный человек, который очень дружит со спортом. Он очень с ним дружит, это точно...

За прошедшие дни я успела подзабыть черты его лица, но, как только на него падает свет фонаря, память возвращается мгновенно.

Окруженная аккуратной бородой челюсть, высокий лоб, ровный нос, прямые брови и складка между ними. Выглядит сосредоточенным и задумчивым.

Боже, он большой. Об этом я тоже немного подзабыла.

Энергично переставляя длинные ноги, роется в кармане куртки, и машина за моей спиной издает громкие пищащие звуки.

Чем ближе он, тем отчетливее чувствую его взгляд. Я прекрасно знаю, как выгляжу. Точно так же, как и неделю назад. Его глаза задерживаются на моем лице, когда он обходит меня, задев грудью плечо. Вместе с порывом ветра ловлю терпкий запах его парфюма. Он щекочет нос, а когда наши глаза встречаются, у меня предательски слабеют колени.

Он тоже такой же, как и неделю назад. Первоклассный. И настолько реальный, что я опять начинаю волноваться, будто первый раз вижу живого мужика. Еще больше я волнуюсь от того, что боюсь показаться ему... скучной. Неинтересной.

Боже...

О чем мне с ним говорить?

Открыв пассажирскую дверь, молча предлагает сесть внутрь, и это чертовски знакомая ситуация, но на этот раз я хотя бы представляю, чего ожидать...

Поежившись от холода, забираюсь в салон. Тону в глубоком кресле, обтянутом белой кожей. Она пахнет дорого. И выглядит так же.

Он... Роман обходит капот и через секунду оказывается в машине.

Разряды возбуждения жалят мои нервы, пока мужчина по-хозяйски устраивается в кресле. Он чужак и... несмотря на это, я все равно не могу контролировать свое тело. Кажется, оно помнит все, что он делал. Все.

Пф-ф-ф...

Я должна быть легкой и непринужденной. Мужчины не любят женских проблем. Я просмотрела триллион видео на тему того, как нужно вести себя с мужчиной. На первом месте всегда только он и его проблемы. И больше никак. Только он и его чертовы соображения. От этого они чувствуют себя значимыми. И они все... все одинаковые...

– Как дела? – мой голос хрипит, и я откашливаюсь.

Его глаза снова останавливаются на моем лице.

Положив руку на руль, откидывает голову на спинку и продолжает молча на меня смотреть.

Проглотив свой вопрос вместе с воздухом, задерживаю дыхание.

Длинные пальцы постукивают по рулю. Ерзаю по сиденью, отворачиваясь к окну.

– Есть хочешь? – спрашивает он вдруг, игнорируя мой вопрос.

Он все еще смотрит. Знаю. Его голос, в отличие от моего, не выдает никаких сюрпризов, но сердце все равно дергается.

– Я... – втягиваю носом воздух. – Э-м-м... немного...

У идеальной женщины вообще никаких потребностей, кроме сексуальных, быть не должно, но я и правда голодная. Уже второй день толком ничего не ем...

Мотор издает рычание, от которого на моих руках шевелятся волоски.

Дернув свой ремень, Роман пристегивается, и я делаю то же самое. Вцепившись пальцами в кресло, кусаю губу, потому что, как только машина трогается, в моем животе, как и в прошлый раз, начинаются кульбиты.

Я просто ненормальная, но меня дико заводит эта машина!

Щеки вспыхивают, когда ловлю на себе удивленный и немного ироничный взгляд водителя.

Прячу от него лицо, глядя в окно.

За ним настоящий муравейник. И это несмотря на промозглый вечер. Этот город никогда не спит. Я понимаю, что веду себя как дикая, но все равно подаюсь ближе к стеклу, чтобы увидеть, как вверху, над головой, извиваются светящиеся небоскребы.

Машина проносится по улицам и через десять минут тормозит, занимая парковочное место вдоль дороги.

Посмотрев в зеркало, открываю дверь вслед за водителем.

Перебрасывая ключи из одной руки в другую, он ждет меня на тротуаре.

Его взгляд медленно следует вдоль моего тела. По плечам, поясу пальто. По моим ногам. Добирается до туфель на ненавистной десятисантиметровой шпильке, потом возвращается обратно и заглядывает в мои глаза.

Засунув руки в карманы куртки, Роман разворачивается и медленно трогается по улице, ожидая, что я последую за ним. Держась от него на расстоянии шага, переставляю ноги с полным ощущением того, что о моем присутствии забыли, но, оказавшись возле двери какого-то кафе, он открывает и придерживает ее для меня.

– Спасибо... – бормочу, проскальзывая внутрь.

Запахи еды просто сбивают меня с ног.

Господи, какая я голодная...

Здесь полно людей. Круглые столы на длинных ножках... самое обычное кафе с самообслуживанием.

Обернувшись, вижу, как широкоплечая фигура направляется к свободному столику у окна, и снова следую за ней. Положив на стол телефон, Роман сбрасывает с плеч куртку и оставляет ее на стоячей вешалке, а потом усаживается на барную табуретку, упершись одной ногой в пол.

От вида его мощного тела у меня сосет под ложечкой. У меня не было предпочтений в мужчинах. Кажется, это уже, черт возьми, не так.

Он мне никто. И останется никем! Я не хочу, чтобы он мне нравился. Он... не должен мне нравиться... это просто секс и все.

Распустив пояс пальто, осматриваюсь и раздеваюсь, а когда подхожу к столику, меня охватывает просто кошмарная неловкость. На мне ужасно короткое леопардовое платье, и под острым взглядом зелено-карих глаз я вдруг понимаю, что оно еще и ужасно безвкусное. Неподходящее этому месту, где все выглядят так, будто только что выбрались из своих офисов. И мужчины, и женщины.

Боже...

Его лоб прорезает складка. Почесав языком зубы, нейтрально смотрит в мое лицо.

Щеки начинает жечь.

Что, черт его дери, я еще должна была надеть? Долбаные джинсы?

Он и подцепил меня только потому, что я была одета точно так же. Чертов... лицемер.

Взобравшись на стул рядом с ним, хватаю со стола меню и прикладываю ладонь к пылающей щеке.

Пляшущие перед глазами буквы наконец-то складываются в какие-то слова, но еще пара минут у меня уходит на то, чтобы успокоиться и понять, что они означают.

Звон дверного колокольчика сопровождается порывом сквозняка, который проходится по моим ногам и забирается под платье. Впиваюсь глазами в картинки с сочными стейками и жареными крыльями, комкая край меню. Я ни в одном кафе не была, с тех пор как приехала. Такие глупости не заложены в мой бюджет. Какой к черту бюджет? Такие, как Роман Гец, на носки больше тратят. Как его вообще занесло в это кафе? Да еще со мной, одетой... в идиотский леопард...

– Мне... кофе и... – бегаю глазами по строчкам, понимая, что не смогу сидеть тут с ним и наслаждаться вкусным ужином.

С досадой понимаю, что мне уже хочется, чтобы все поскорее закончилось. И ужин, и вечер. Ну почему я такая впечатлительная дура? Мне все на свете хочется послать к чертям собачьим. Нет, не все на свете. Мне хочется послать к чертям собачьим сидящего рядом мужчину. Вместо этого откладываю меню и бормочу:

– Брускетту с уткой...

Обняв себя руками, смотрю на холодную улицу за окном. Там зеленый «Мерседес», на который пялятся шастающие мимо туристы. В оконном стекле вижу наши искаженные отражения и слышу спокойный низкий голос рядом:

– У тебя чулок виден.

Поджав губы, втягиваю носом воздух.

– А ты что, баптист? – мрачно бросаю, не двинувшись с места.

– Агностик, – говорит он вежливо. – Я рад узнать, что ты сегодня в чулках и без лифчика, но я хочу поесть спокойно, а не думать, надела ты трусы или нет. Пацан за столиком справа тоже этим вопросом мучается, так что поправь платье.

Медленно перевожу глаза на господина Геца, пораженная.

Постукивает пальцами по столу, лениво осматривая помещение поверх моей головы.

Что за... хренов снобизм?!

Он снял меня в клубе, мы оба прекрасно это понимаем, а теперь приказывает одернуть платье, будто я устроила тут стриптиз прямо на чертовом столе!

– Ты серьезно? – спрашиваю возмущенно.

– Да, – опускает на меня непроницаемые глаза.

– Это просто чулок!

– А у меня просто стоит, – ровно замечает он.

Поперхнувшись воздухом, оглядываюсь по сторонам, будто кто-то мог это услышать, истинная же причина этого бегства в том, что на мне есть трусы, и в них только что произошел микровзрыв!

По груди и шее ползут пятна. Взгляд падает на его ширинку. Мое горло топит слюна. Он не пошутил. Смотрю в его глаза, чувствуя, как по ногам поднимается жар.

Он что... из армии вернулся, чтобы вот так реагировать на мои чулки?!

Я... я красивая, да. Но не красивее многих! Мой рост выше среднего, но ненамного. Более того, в последнее время я выпадаю из своей одежды и сейчас, находясь рядом с ним, остро чувствую, насколько он мощнее меня.

Очередной спазм сотрясает мое белье, намекая на то, как мне это нравится!

– Ты что... – выпаливаю я. – Из тюрьмы сбежал?

Задумчиво чешет подбородок и резко меняет тему:

– Ты была с кем-то после меня?

Это очень личный вопрос, но мы с ним уже и так в самых близких отношениях побывали. Теперь он попросит справку от венеролога?

– Я... – отворачиваюсь к окну. – Нет.

– Как тебя зовут, чудо?

От этого обращения что-то шевелится в груди. Отдается всплеском где-то в голове. В том отделе, который отвечает за мою внутреннюю наивную идиотку.

– Милена... – говорю тихо.

– А по пятницам?

Жую губы, изучая свои колени.

Быть Миленой намного проще. По крайней мере, она не творит всяких глупостей, а четко знает, что делает. А я уже ни черта не понимаю.

Посмотрев в окно, говорю:

– Юля.

– Слушай, Юля, – деловым тоном говорит он. – Я не трах-машина, но ты мне нравишься. Я недавно в городе, и у меня здесь не так много знакомых, особенно женского пола. Особенно таких «щедрых».

Если это образец его чувства юмора, то мне не смешно! Кажется, у меня вообще эта функция атрофировалась. Просто... я все время думаю о том, что все делаю неправильно.

Кошусь на него, теребя пальцами кончики переброшенных через плечо волос. Мне давно пора подстричься. Волосы стали ниже пояса, а это жуткая провинциальность. Такие уже давно никто не носит, но, когда нервно провожу по ним ладонью до самого живота, глаза Романа медленно следуют за моей рукой, а потом также медленно возвращаются обратно.

Замираю, застигнутая врасплох.

Ему что, нравятся мои волосы?

Легкая дрожь проходит по спине, когда вскидывает на меня глаза.

Онемев, облизываю губы.

Поймав мой взгляд, Роман убедительно заявляет:

– Предлагаю продолжить наше общение в том же ключе.

В том же ключе?

Опомнившись и прочистив горло, уточняю:

– То есть... секс время от времени?

– Да, – кивает он. – Именно. Так что?

К моим мозгам приливает кровь. Да так, что стучит в висках.

Он моложе, чем показалось в первый раз. И даже эта борода не делает его старше, скорее пересекающие лоб морщины подкидывают возраста.

Сколько ему? Тридцать? Черт его знает.

Разговаривает он так, будто выпустился из английской школы для девочек. Правильно. Интеллигентно и... занудно.

Он сжимал ладонью мою шею, пока трахал меня пальцами. Это не было интеллигентно. Это было по-дикарски! Со мной никогда такого не делали в постели, хотя мой второй парень был немного отмороженный. С тех пор я поняла, что быть «плохим» мальчиком – это просто попытка замаскировать свои комплексы.

Взгляд зелено-карих глаз устремлен на меня, и, несмотря на все его расслабленное спокойствие, эти его глаза до чертиков умные. Даже несмотря на то, что у него совершенно точно эрекция, которую я очень отчетливо себе представляю. Она у него первоклассная, как и все остальное.

Он не предлагает денег. Конечно, не предлагает, я же сама ему заплатила.

Если сейчас у него и маловато знакомых «женского пола», то с его тачкой это быстро изменится.

Тогда я ему стану не нужна.

Я не шлюха, но сейчас уже не уверена. Ему плевать – трахать меня за деньги или бесплатно. Если я попрошу... он заплатит, не сомневаюсь. И тогда я стану шлюхой официально.

Кого это волнует?

Отвернувшись, вперяю взгляд в стекло.

Мне нужны деньги. Это решит мои проблемы. На какое-то время. Тогда я стану шлюхой и для него. У шлюх не так много перспектив, если они не порнозвезды. Уж лучше... быть студенткой.

Я скоро получу работу. И могу пожить у Ксюши какое-то время...

Боже, я ведь и сама не против спать с ним время от времени.

– Откуда ты приехал? – царапаю пальцами свои колени, продолжая смотреть в окно.

– Издалека, – закрывает он вопрос.

Ясно. Ничего личного, так?

– Ты... не представился, – смотрю на него, изо всех сил пытаюсь не отводить взгляд, но это не так просто, когда собеседник в этом настоящий профессионал.

Его глаза настолько живые и подвижные, что это сбивает меня с толку.

Они у него... красивые.

– Роман, – слегка откидывает голову.

Я хотя бы знаю, что это правда.

Облизнув губы, тихо говорю:

– На мне есть трусы, если тебя это успокоит.

Он бросает еще один беглый взгляд на кружевную резинку моего черного чулка, а потом протягивает руку и подтаскивает к себе мой стул так, что колени оказываются между его ног.

Ножки стула жалобно стонут, проехавшись по деревянному полу, но этот звук тонет в окружающем галдеже, как и мой собственный писк от неожиданности.

– Ох... – упираюсь рукой ему в плечо и вздрагиваю, когда его ладонь ложится на мое колено.

Его глаза так близко, что я вижу каждое золотое вкрапление, и еще вижу, что взгляд у него абсолютно осмысленный, в отличие от моего собственного, который мечется по его расслабленному лицу.

Нос заполняет его запах, перебивая все посторонние ароматы.

Вздрагиваю, когда горячая сильная ладонь начинает ползти вверх к резинке чулка. Большой палец надавливает на внутреннюю поверхность бедра, вызывая мурашки между ног, но как только длинные пальцы начинают толкать вверх край моего платья, вцепляюсь ногтями в широкое запястье и сиплю:

– Убери.

– Я думал, ты азартная, – говорит, остановив руку.

– Все смотрят, – чувствую, как от притока адреналина бухает в груди сердце.

В диком протесте мой внутренний голос орет о том, что он... никогда не позволил бы себе такого с какой-нибудь отглаженной столичной фифой, которая за такое совершенно точно дала бы ему по лицу. Потому что он явно собрался засунуть руку мне под платье и проверить, на месте ли мои трусы, самолично.

Это потому, что я одета как шлюха?

– Никто не смотрит, – глядя мне в глаза, говорит он. – Всем плевать.

Вдохнув и задержав дыхание, перевожу взгляд ему за спину и вижу, что всем и правда плевать. Люди приходят и уходят, галдят за своими столиками, таскают подносы с едой, стучат пивными бокалами.

– А тот парень, – делаю рваный выдох, переведя на него глаза, – который справа?

– Он смотрит, да, – кивает этот говнюк.

– Ты... больной? – выпаливаю ему в лицо. – Адреналинщик?

– Иногда.

Его ладонь жжет мою кожу, но еще больше меня изнутри жжет желание сделать это. Дать ему по лицу. Такие вещи... такие ужасно пошлые и грязные вещи я могла бы позволить только тому, кому доверяю! Мужчине, которому доверяю, а не тому, кого вижу второй раз в жизни. Я ему не доверяю. И мне ужасно некомфортно с чужой рукой у себя между ног! В месте, под завязку набитом посторонними людьми. Это гасит все возбуждение, которое тлело где-то внутри. Шлюха из меня просто никакая.

– Убери руку, – прошу с угрозой.

– Ты сегодня напряженная, – замечает он. – Не хочу, чтобы, когда мы начнем трахаться, ты мне откусила член или голову.

– Если не убережешь руку, мы не будем трахаться, – смотрю в его красивое лицо, чувствуя, как от всей этой ситуации по шее и щекам ползут красные пятна.

Его рука убирается к черту так же внезапно, как и появилась.

Одергиваю платье, не решаясь смотреть по сторонам и, толкнув его в грудь, спрыгиваю со стула.

Схватив со стола телефон, иду в туалет, дрожа с головы до ног от омерзения к самой себе.

На что я рассчитывала? На свидание при свечах? На то, что мир вокруг розовый и теплый, как и все люди?

– Мудак... – шепчу, открывая кран и подставляя под него свои ледяные руки.

По щеке бежит слеза. Стираю ее со злостью, не желая смотреть на свое отражение.

Я красивая, и это ни разу в жизни не принесло мне ничего, кроме проблем. В восемнадцать я думала, что это мое богатство, а сейчас знаю, что это самая гнилая инвестиция, в которую могли вложиться мои родители.

Лучше бы я была уродиной. Тогда с детского сада знала бы, что на внешность не стоит делать ставку.

Он ждёт у двери. Опершись плечом о стену и загородив собой проход.

Бросив взгляд на пустой коридор у себя за спиной, смотрит исподлобья. Изучает мое каменное лицо своими внимательными цепкими глазами.

Вся эта ситуация настолько выбила меня из колеи, что я забыла обо всем на свете! О том, кто я такая и кто такой он. О том, что у меня на карте денег осталось на неделю моей отстойной жизни и несбалансированного питания. О том, что мне нужно – чтоб оно все провалилось! – позвонить сестре и узнать, добралась ли она до дома.

Закрыв за собой дверь, прижимаюсь к ней спиной и смотрю на него в ответ.

В узком полутемном пространстве слышен отдаленный шум зала, но его присутствие на расстоянии в один шаг поглощает все мое внимание.

– У тебя есть личные границы? – спрашивает, сложив на груди руки. – Границы дозволенного?

– Я уже говорила, – смотрю на него настороженно, обнимая себя руками. – Я не люблю жестокость.

– Я это помню, – откидывается он на стену, глядя на меня с высоты своего роста. – Как насчет... секса в туалете? – кивает на дверь за моей спиной.

– Нет! – отрезаю я.

Проведя рукой по волосам, смотрит на мои ноги и продолжает с легкой усмешкой:

– В лифте, м?

– Нет, – бросаю в ответ, злясь от его насмешливого спокойствия и от того, как идет его лицу эта скупая полуулыбка.

Он хорош собой, и это трудно игнорировать, тем более когда мы говорим о таких вещах. Я знаю, что у богатых вагоны причуд, и у этого, похоже, тоже.

– В примерочной?

– Ты серьезно?

– В машине?

Черт...

Заминка с моим ответом превращается в говорящую паузу, от которой я кусаю губу и прячу глаза, чтобы не видеть, как в его зрачках загораются смешинки, от которых... он становится в триллион раз обаятельнее.

– Обычный секс тебя не вставляет? – смотрю на коридор за его спиной.

– Обычный – это в миссионерской позе под одеялом? А тебя такой вставляет?

Выгнув брови, ждет ответа.

– Смотря с кем, – с вызовом говорю я.

На самом деле как раз такого у меня никогда и не было. С... тем самым любимым мужиком, который... любит меня тоже. Медленно и нежно, черт побери. По-настоящему. Я не верю в любовь. По крайней мере, я с ней никогда не сталкивалась и не собираюсь.

– Ну, что имеем, – кивает Роман на себя, будто говоря, «что есть, то есть».

Я скольжу взглядом по его плечам и плоскому животу, спускаюсь ниже...

Идеальное двухметровое тело в дорогуших джинсах, которые сидят так, что можно захлебнуться слюной! Обтягивая бедра ровно настолько, насколько нужно, чтобы не сковывать его в движениях и ненавязчиво показать, что он сложен просто идеально! Гибкий и мускулистый ровно там, где нужно. И пахнет он так же. Сногсшибательно.

Бросив еще один взгляд на коридор, Роман вдруг отталкивается от стены и делает шаг вперед, убивая разделяющий нас метр.

Напрягаюсь, вжимаясь в стену и поднимая на него глаза. Упершись рукой в дверь рядом с моей головой, нависает и смотрит в мои глаза, а потом на мои губы.

Роняю руки вдоль тела, готовая в любой момент его оттолкнуть, но вместо этого закрываю глаза, когда его ладонь мягко обхватывает мой подбородок. Большой палец надавливает на нижнюю губу, будто проверяя, насколько она мягкая...

– Что насчет губ? – спрашивает хрипловато, очерчивая и снова надавливая, отчего у меня в туфлях поджимаются пальцы.

– А... что насчет них? – выдавливаю я, задевая языком подушечку его пальца.

Его рука скользит вниз по моей шее, по вырезу платья и ниже, проходится по груди, отбросив в сторону волосы. Костяшками задевая сосок, отчего у меня под веками вспыхивают белые круги.

– Как я могу их использовать?

Слышу, как участилось его дыхание. Мое сердце разгоняется в десятый раз за этот вечер.

Боже...

Использовать?

– Ты не в магазине... – выдыхаю, в то время как его рука ложится на мою задницу и сминает, накрыв ее почти всю разом.

– Что насчет минета? – игнорирует он, убирая ладонь с моей задницы и перемещая ее вверх, на стену рядом с моим ухом.

– Нет... – открываю глаза, чтобы оценить его реакцию.

Раз уж он мне не платит... я не обязана делать то, чего не хочу.

Его лицо так близко, что мне хочется поднять руку и провести пальцами по колючей щеке, чтобы узнать... каково это на ощупь. Сжав пальцы в кулак, велю себе не двигаться. С ним нужно держать востро ухо, потому что я понятия не имею, что он выкинет в следующую секунду!

– Ты стремишься к анорексии? – спрашивает вдруг, убирая руки и освобождая меня из двухтонной клетки в виде своего тела.

Кажется, с нашей прошлой встречи он стал еще больше, а я – еще меньше.

– На худых все лучше сидит, – не двигаюсь с места.

– Не замечал, – усмехается он, указывая рукой в сторону зала.

Отделившись от стены, двигаюсь в указанном направлении. Усевшись на свой стул, прижимаюсь щекой к плечу и наблюдаю за тем, как мой «миллионер» пробирается к кассам. Спокойный и неторопливый, как и всегда. Остановившись под табло с предложенным меню, вдумчиво его изучает.

Странный, просто чокнутый тип!

Глава 7

Горячий кофе растекается по желудку, согревая до самых кончиков пальцев.

Обхватив ладонями картонный стакан, подношу его к лицу и вдыхаю запах.

За окном все светится и движется, как в какой-то адской карусели. Я думала, вся эта сутолока вокруг к вечеру должен сойти на нет, но здесь движения стало еще больше...

Я неотрывно слежу за расхаживающим туда-сюда мистером Совершенство, который вышагивает перед своей машиной, разговаривая по телефону.

Упершись рукой в ультразеленую крышу, демонстрирует широкую спину, постукивая ботинком по заднему колесу «Мерседеса». Теперь мне кажется, что цвет его машины самое «то». Такой же чокнутый, это точно.

Наверное, его компания не такая уж и ужасная, если кому-то не в тягость разговаривать с ним целых тридцать минут подряд.

Смотрю в свою тарелку, вилок перегоняя цветную капусту из одного угла в другой. Ненавижу ее, но кое-кому на это плевать, потому что в моей тарелке нет ничего, похожего на брускетту с уткой. В ней овощи на гриле, бекон, куски курицы и хлеб. Тот же самый набор, что и в его полупустой тарелке.

Тем не менее я съела больше половины этой бурды.

Я сыта и... наконец-то согрелась. Звуки вокруг долетают до меня как через вату.

Как-то в мемуарах одной королевы, не помню, как ее звали, я прочитала, что самое опасное существо на земле – это женщина, которая умеет думать. Поэтому, это чушь. Чем меньше женщина думает, тем лучше у нее все складывается. Той королеве снесли голову, наверное, в тот момент она бы со мной согласилась.

Господи...

Иногда в моей голове такой бардак, что я себе поражаюсь.

Мой телефон жужжит и ползет по столу, собираясь с него свалиться.

Прижав к губам стакан, переворачиваю сотовый. Это входящий от «Богатого говнюка». Стрельнув глазами в окно, вижу его прямо перед собой. Слегка расставив ноги, смотрит на меня через стекло.

– Алло? – говорю тихо, не отрывая от него глаз.

Засунув в карман джинсов руку, раскачивается на пятках и спрашивает:

– Закончила?

Его голос тонет в шуме улицы, но у меня все равно по рукам бегут мурашки. Я слышу его дыхание и знаю, что нам... пора.

– Да... – отвечаю, опуская на стол стакан.

– Жду тебя в машине, – продолжает он смотреть.

Он странный.

Чертовски странный.

Почему он так смотрит? Смотрит на меня так, будто у него больше никаких дел.

А еще он мастерски умеет выпадать из реальности. Пока ел, был явно не здесь, а где-то еще. Смотрел в пространство, медленно жевал и о чем-то думал.

Положив трубку, соскальзываю со стула.

Мой затылок горит.

Он смотрит, я знаю. Просто чувствую. Чувствую так, будто он трогает, а не смотрит. Волосы, спину, ноги...

Опять это волнение.

– Ф-ф-ф-ф... – выдыхаю, сложив губы трубочкой, и одеваюсь так медленно, как только могу.

Пять минут назад в туалете я соврала сестре, сказав, что собираюсь спать. Я часто вру. Я вру всем и почти всегда. Вру о том, кто я такая. О том, как меня зовут. О том, сколько мне лет. О том, что думаю на самом деле по тому или иному поводу.

Вру, вру, вру...

Всем, но только не себе. И, когда выхожу из кафе, точно знаю, что хочу его сама, и меня никто не заставляет раздвигать ноги. Перед Романом Гецом я хочу раздвинуть их сама. Я вижу их, свои ноги, где-нибудь у него на шее. Или там, где он захочет.

Утонув в глубоком кожаном сиденье, смотрю на него.

Он трогается, не говоря ни слова и не дожидаясь, пока я пристегну свой ремень.

И как только выезжаем на дорогу, «Мерседес» бросается вперед с таким рывком, что я влипаю в сиденье и с визгом зажмуриваюсь. Под агрессивный, колотящий нервы рык мотора пропускаю через себя чокнутый поток возбуждения и адреналина.

Те самые ощущения, от которых меня колбасит каждый раз, когда сажусь в эту злую громадину.

Возбуждение и дикий восторг!

Вот ведь... говнюк...

Его руки крепко сжимают руль, лицо сосредоточенное и невозмутимое, глаза смотрят только вперед.

Только вперед, черт его дери!

По крайней мере, он не собирается подохнуть в расцвете лет за рулем своей безумной тачки, прихватив с собой и меня! Потому что все его внимание сконцентрировано на том, чтобы «Мерседес» с бешеной скоростью менял полосы и обходил другие машины. Так, будто они стоят на месте.

– Ма-ма... – шепчу, когда машину бросает вправо, а потом влево.

На секунду мне становится страшно. Действительно страшно.

Мое сердце стучит о ребра так, что не могу говорить, только не мигая смотреть на то, как там, за стеклом, капот машины сжирает метр за метром серый асфальт.

Нырнув в тоннель, она вырывается оттуда, и в стекло ударяют капли дождя. В ту же секунду начинают работать дворники, начисто убирая эти капли. Как по щелчку, впереди вырастает знакомый или незнакомый небоскреб. Для меня они все одинаковые.

– А-а-а... – закрываю руками лицо, чтобы не видеть, как машина тормозит в сантиметре от шлагбаума, охраняющего въезд на подземную парковку.

Вцепившись в потолочную ручку, еложу по сиденью и настороженно смотрю на водителя. Поймав мой взгляд своим, он опускает стекло и прикладывает к мигающей лампочке пропуск.

Шлагбаум с пищанием ползет вверх.

Смотрю на пустую парковку перед нами, закусывая губу.

Моя кровь горит! Сердце колотится, а он... возвращает пропуск в нагрудный карман кожаной куртки и снова давит на газ.

– Твою мать! – тяну я, опять вжимаясь в сиденье.

Рев мотора отражается от бетонных стен, разрывая мои уши и накачивая кровь адреналином. В этот момент я не чувствую никакого мира вокруг, только скорость и свое тело, которое кажется живым, как никогда. Никогда со мной не

происходило ничего настолько острого и страшного.

Еще один крутой поворот, и машина со свистом тормозит.

Громко дышу, глядя в стену там, за лобовым стеклом.

Двигатель замолкает, вслед за этим гаснут фары.

– У меня предложение, – говорит этот псих низким сексуальным голосом.

Дрожащей рукой отстегиваю ремень, резко поворачивая голову.

Пристроив на подоконнике локоть, задумчиво потирает свою бороду.

Мне кажется, что из моего носа вот-вот повалит дым! Но даже сквозь туман в голове я понимаю, что из этой машины мы выйдем не раньше, чем он получит то, зачем я ему сегодня понадобилась. И еще я знаю, что его предложение точно будет каким-то адским и странным дерьмом.

– Сегодня ты главная, – продолжает он. – Говоришь мне, что делать, я делаю. В следующий раз ты будешь делать то, что я скажу.

Это звучит... угрожающе и волнующе. До того волнующе, что меня до мурашек пронимает, а я и так на взводе.

Будет... следующий раз?

– А если я захочу двинуть тебе по лицу?! – спрашиваю его, сорвав с ноги свою туфлю и швырнув ее на коврик.

– Двигай, – усмехается Роман, наблюдая за мной.

– Ты мазохист? – срываю с ноги вторую туфлю, дернув за каблук.

Что еще я должна о нем знать, помимо всего прочего?

– Нет. Но я люблю пробовать что-то новое. Ты хочешь двинуть мне этим? – указывает подбородком на мою обувь.

Смотрю на него недоуменно, хлопая глазами.

Закусив губу и рухнув в кресло, тихо смеюсь и роняю туфлю на пол.

Боже.

Этот день похож на какую-то карусель.

Из нас двоих только этот тип знает, что будет дальше, а я... больше не хочу об этом думать. Как и о том, что мы на подземной парковке и здесь вокруг все забито другими машинами. Мне просто... плевать.

– Может быть... – говорю, развязывая пояс своего пальто и выбираясь из него.

Снова рухнув на сиденье, зажимаю между колен руки и смотрю на них, делая вдох.

Мне быть за главную?

И что мне приказывать?

Я не знаю, чего хочу. Все это кажется сложным...

Он наблюдает за мной, постукивая тыльной стороной пальцев по губам и удобно разместив свое тело в кожаном кресле.

Черт...

Я никогда не играла ни в какие сексуальные игры. И не знаю, как это делается.

Мои глаза блуждают по его бедрам, разведенным коленям, по ширинке.

Черт.

– Сними куртку, – выпаливаю, закусив губу.

Достав из кармана телефон, он бросает его на панель и стаскивает с плеч куртку.

Не торопясь, но и не медля.

С чего бы ему медлить? Ведь это его странное предложение. Это странно и ужасно волнительно, когда здоровый мужик с совершенно серьезной миной делает то, что ты ему велишь. В этом есть очень много чего.

Он уже делал такое раньше? С кем-то другим?

Делал или нет, но я чувствую, как загорается мое тело.

Тонкая шерсть серой водолазки обтягивает его широкие плечи и торс с выпирающими мышцами на груди и... животе...

– И свитер тоже, – поднимаю глаза к его лицу.

Забросив за спину руку, дергает за ворот водолазки и стягивает с себя одним движением. Бросив ее назад вслед за курткой, откидывается на спинку кресла, устраиваясь с комфортом. Голый до пояса и взъерошенный.

Это настолько заводящее зрелище, что я облизываюсь.

Мышцы на его плечах перетекают в идеальные бицепсы, дорожки вен на тыльной стороне запястий сплетаются с длинными пальцами, короткие темные волоски на груди и внизу плоского живота делают все впадины на этом загорелом торсе дико возбуждающими. Из-под пояса джинсов торчит шелковистая полоска серых трусов, дополняя всю эту картину.

Моя собственная грудь начинает ныть, а его размеренно опускается и опадает. В глазах явное ожидание, хотя понять его эмоции – это неблагодарная мудреная задача. Его эмоции и его выкрутасы – это для тех, кому надоело решать кроссворды.

А я... я вдруг понимаю, что хочу просто расслабиться и... получать удовольствие. Чувствовать тепло другого человека. Мужчины. Его силу. И... защиту... только сегодня, а завтра пока пусть идет в задницу.

Отбросив за спину волосы, я упираюсь в его бедро ладонью, и Роман тут же помогает мне усесться на него верхом.

– Ай... – шепчу, глядя в его глаза и сжимая пальцами каменные плечи.

Он обхватывает мою талию, пока наши бедра до головокружения идеально подстраиваются друг под друга. Его пах оказывается прямо у меня между ног, и от этого там все сжимается.

Секс в машине – это тесно и неудобно, наверное. Но только не в этом «Мерседесе».

Пальцы, не слушаясь, гладят голую тёплую грудь. Съехав на сиденье, Роман выпускает мою талию, наблюдая за моим лицом. Его губы приоткрыты, а лицо... начинает терять налет безмятежности. Он прямо у меня между ног, и это не только я одна чувствую. Он тоже чувствует, и его лицо становится совсем не безмятежным. На нем как раз то выражение, которое приходит, когда мужчина вообще перестает думать. И он не скрывает этого. Разрешает мне видеть все.

– Сожми... – кусаю я губу.

– М? – отзывается он.

– Сожми... мою попу...

Не меняя позы, кладет ладони на мои бедра, и, очевидно, суть этой игры заключается в том, что любой приказ можно понять по-своему, потому что мое платье оказывается задраным до талии, голые ягодицы варварски смяты горячими пальцами, которые заставляют раскачиваться и тереться, отчего из меня вырывается самый настоящий стон...

Боже...

Жмурю глаза.

То, что происходит в его джинсах, – это укол мощнейшего афродизиака.

В эту игру я играю не одна, и оттого внизу пульсирует жар. Он твердеет, и это немного сносить крышу.

Мне становится тесно в этом платье. И в своей коже.

– Сними с меня платье... – забрасываю за голову руки, прогибаясь в спине.

Просунув палец в вырез, он вдруг тянет за него, будто проверяет на прочность, а потом добавляет вторую руку, и мое платье трещит, разрываясь напополам до самой талии.

– Ты... сдурел?! – выкрикиваю, пытаюсь соединить болтающиеся половины.

Моя голая грудь вываливается наружу, прямо в его лицо, которое я готова расцарапать!

– Вульгарность тебе не идет, – расслабленно наматывает на кулак волосы у меня за спиной и тут же освобождает, с ленцой пропуская их через пальцы.

Невозможный, раздражающий, выводящий из себя тип!

– Я сказала снять, а не рвать! – пихаю его плечи.

– В следующий раз будь конкретнее, – заявляет он.

Вскинув глаза, смотрю на него в бешенстве.

У меня не так много одежды, чтобы рвать ее направо и налево. Откуда ему знать, что такое вообще бывает?

Богатый самовлюбленный говнюк!

Впившись пальцами в затылок, дергаю на себя его голову и... кусаю нижнюю губу.

– Блять! – взывает он, схватив меня за волосы и отдергивая от себя мою голову.

Шумно дышим, глядя друг на друга.

Его глаза совершенно черные. Лицо опасно бешеное. Проведя по губе языком, морщится.

– Я... – пытаюсь с него слезть, понимая, что это было слишком.

Это было слишком...

– Извини! – выкрикиваю, не зная, куда себя деть.

Его рука молниеносно сдавливает мою талию, ладонь ложится на затылок, а его губы набрасываются на мои.

– М-м-м... – мычу, не в состоянии пошевелиться в этой хватке.

Я не собиралась с ним целоваться. Не собиралась...

Мы друг другу никто.

Мы не пара!

Он чужак...

Его рот жадный, а язык как таран. Губы твердые и жесткие. Он сминает ими мои и просто вламывается в мой рот, лишая дыхания.

Меня встряхивает с ног до головы, когда по внутренностям растекается вкус приправленного кофе мужчины.

Ничего... утонченного! Все настолько настоящее, что это как впрыск азота в кровь.

Его борода щекочет кожу.

Мои соски становятся твердыми, как камни. Вжимаясь в его грудь, они ноют. Через его джинсы я чувствую каменную эрекцию и все еще пытаюсь вдохнуть.

Это не поцелуй.

Это что-то асинхронное, потому что он не дает мне даже шанса под себя подстроиться, а когда освобождает мой рот, я глотаю воздух, запрокинув голову.

Его нос прижимается к моей шее, зубы прихватывают кожу, а потом он без разрешения уперто просовывает между нами руку.

Не сопротивляюсь, когда бесцеремонные пальцы забираются в мои трусы. Замерев и шумно дыша, Роман Гец проводит ими по моим складкам, проверяя, насколько мне нравятся его «игры».

Мне нравится настолько, что я скулю, поджимая на ногах пальцы.

– Впечатляет... – хрипит он.

– Взаимно! – выдавливаю я, чувствуя, как он пульсирует подо мной.

Его дыхание превращается в хриплый смешок.

– Чего хочешь? – спрашивает, продолжая гладить меня между ног.

От этого меня ведёт. На висках проступает пот.

– Трахни меня...

– Так? – надавив на нужное место, вгоняет в меня сразу два пальца.

Если бы его рука не сжимала мою талию, я бы выскочила из кожи, но все, что мне осталось, – это стонать и просить еще.

Кажется, где-то там проехала машина.

Кажется, я помню, кто я и где, когда мой сосок оказывается в горячем плену его рта.

Я не собиралась с ним целоваться, но его язык снова чертит круги у меня во рту, повторяя движения пальцев.

– Трахни меня! – скулю я. – По... настоящему...

– Думал, ты не попросишь... – смеется он, а я не вижу ничего смешного.

И когда он дергает свою ширинку, я уже царапаю его спину. Как пьяная, наблюдаю за его руками, когда надевает на себя презерватив.

У меня во рту слюна, и мне уже не кажется, что отсосать ему – это не такое уж преступление.

Привстав на коленях, я просто пожираю глазами его член, и ему, Роману чёртovu Гецу, наконец-то нечего сказать...

Сжав губы, он... закрывает глаза и страдальчески выгибает брови, когда я... опускаюсь на него сантиметр за сантиметром, и эта его гримаса... заставляет смеяться меня... а потом опять искать его губы...

Господи, что я творю?..

Это единственная мысль, которая посещает мою голову, когда роняю ее на его плечо. Оно покрыто испариной, как и мое тело, которое коротит и потряхивает от нашего совместного оргазма.

Глава 8

Реальность приходит вместе с запахами и ощущениями – раскаленное, обмякшее тело подо мной, капля пота, бегущая по шее, по груди, прилипшие к виску волосы, настойчивый сигнал телефонного звонка...

С трудом отстраняюсь, приподнимая бедра, чтобы выпустить его из своего тела, но первой потребностью, которой я не могу противиться, является то, что мне просто необходимо увидеть его лицо.

Откинув голову на сиденье, Роман встречается со мной взглядом. И смотрит он из-под своих потяжелевших век чертовки глубокомысленно.

И это несмотря на то, что выглядит он совсем не отутюженным.

Он растрепанный. На шее и скулах красные пятна, а нижняя губа припухла. Но мои губы тоже горят. Он смотрит на них, почесывая свой колючий подбородок.

Тем не менее он выглядит так, будто побывал под поездом.

И это после секса... со мной.

Кажется, он думает так же, потому что его губы вдруг изгибаются в усмешке, а хриплый голос произносит:

– Не волнуйся. Я застрахован.

– Очень рада... – бормочу, сдерживая улыбку.

С горем пополам перебираюсь на соседнее кресло и сокрушенно обнимаю себя руками, чтобы собраться с мыслями.

Ужас ситуации заключается в том, что я хочу вернуться назад.

За пределами его рук становится зябко. Это все из-за проклятого, проклятого оргазма. Из-за него мне хочется просто расслабиться и быть слабой.

Только что у меня случился самый лучший секс в жизни, и это даже не выходя из машины.

Кажется, странные психи – это, черт возьми, моя стихия.

Браво, Юля!

Опомнившись, натягиваю на плечи пальто и пытаюсь привести в порядок волосы, и это не говоря о том, что на мне разорванное до пупка платье...

– Я куплю тебе другое, – читает он мои мысли.

Известие о том, что он собирается потратить на меня деньги, зажигает в груди огонек всех моих надежд.

Я его не просила... он сам.

Платье – это последнее, что мне сейчас нужно, но дело ведь не в нем, а во внимании.

И еще в том, что мне хорошо. Это ужасно, но мне хорошо здесь и с ним. Я не испытывала этого чувства уже миллион лет. Господи. Может, я не ошиблась? Хоть раз в жизни мне действительно повезло?

– Э-м-м-м... – запахиваю пальто и закрываю глаза, чтобы спрятать все свои эмоции. – Было бы отлично.

– Ага, – слышу, как собачка его ширинки проехала по молнии, а потом хлопнул бардачок. – Кажется, у тебя с ним была большая любовь, – напоминает он о том, что я чуть не покалечила его губу.

Улыбка все же захватывает губы. Мне хочется глупо смеяться.

– Я не привязываюсь к вещам, – сообщаю ему, собирая с плеч волосы и скручивая их жгутом.

Я чувствую себя лохматой уродиной, поэтому пытаюсь привести их в порядок хоть как-то.

– Это потому, что у тебя нет ничего коллекционного, – заявляет этот гуру.

Фыркаю, поджав губу.

У меня вообще ничего нет, но эту информацию я оставляю при себе.

Он не ждет моего ответа, потому что его телефон снова звонит.

– Да? – подносит к уху трубку и поднимает вверх палец, прося меня помолчать.

Его голос звучит уверенно, но слегка рассеянно.

Роман трет подушкой ладони глаз и в следующую секунду переходит на английский.

К своему стыду, я понимаю, что ни единого слова разобрать не могу. Это в очередной раз напоминает мне о том, что я с горем пополам окончила школу, и... не хочу такого же дерьма для своей сестры.

– У меня изменились планы, – бросает он телефон на панель и тянется за своим свитером. – Вызову тебе такси.

– Ладно, – шепчу я.

От разочарования мне хочется плакать.

Я думала, что проведу с ним всю ночь.

Перспектива вернуться в квартиру Марины настолько удручающая, что щекочет в носу.

Отвернувшись к окну, я молю Бога о том, чтобы ни Марины, ни ее парня дома не оказалось. Я хочу побыть одна. Хотя бы сегодня.

Глава 9

– Юлия, да? – поднимает на меня глаза директор по персоналу. – Присаживайся, – машет рукой на стул, не глядя.

Прикрыв за собой дверь, робко вхожу. Так робко, что мне самой противно. Обычно люди чувствуют такое. Чувствуют, что собеседник не уверен в себе. Я про такое читала. В одном журнале.

Соберись.

Усаживаюсь на стул, сложив на коленях руки.

У меня глаза как у побитого щенка – полные надежды, и я никак не могу заставить себя смотреть по-другому.

Мне очень нужна эта работа.

От миллионера, который обещал мне новое платье два дня назад, нет никаких вестей. И, несмотря на то что должна думать рационально, я испытываю... обиду. Это такая дурость, что хочется дать себе по голове за то, что думаю о нем больше, чем должна. Думаю засыпая. Вместо того чтобы спать, я думаю о нем.

О том... где он сейчас и чем занимается. С кем общается. Как ведет себя... с другими людьми. Какой он там, в своей жизни.

Он посадил меня там же, где и подобрал. На какой-то стоянке. К тому моменту он мог быть где угодно, только не со мной. Этот человек умеет переключаться с одной задачи на другую. Энергии в нем, черт побери, хоть отбавляй.

От волнения потеют ладони.

Потерев их о юбку, смотрю на торговый зал за стеклом. Отсюда видны входные двери и стойка ресепшена, где сейчас находится Ксюша. Ей предложили работу.

Это то, о чем я должна думать.

Сегодня утром парень Марины вернулся с соревнований по бодибилдингу, и они трахались в ванной так громко, что мне пришлось закрыть руками уши, чтобы не заорать.

Сглотнув, смотрю на сидящую передо мной женщину.

Ей явно за сорок пять, и от нее несет успехом. Дорогой костюм, шелковая блузка, а под ней... лифчик из какой-нибудь брендовой коллекции, иначе она не светила бы им так, потому что ее блузка почти прозрачная.

Как бы там ни было, она олицетворяет собой все, чем я сама мечтаю быть.

Успешной... бизнес-леди. С правильной речью. С навыками ведения всех этих переговоров, на которых я и двух слов связать бы не смогла. У меня нет никаких навыков. Но я бы хотела стать такой! Ни от кого не зависящей. Я хотела бы иметь работу, в которую могла бы вкладывать силы и получать за это чертовы деньги. Жить, а не выживать...

– Сразу оговорюсь, что не понимаю, как могла возникнуть такая ситуация, – берет она в руки блокнот, поправив свои люксовые очки.

Мое нутро холодеет так, что во рту собирается горечь.

Посмотрев на меня нейтрально, она продолжает:

– Набор стажеров проходил без меня, поэтому произошла такая неувязка. Видишь ли, у тебя... кхм... девять классов образования...

На горло давит ком, который я гоню и гоню, откашливаясь.

– Я... учусь в колледже, – вру сильным голосом. – Сейчас в... академке...

– Тем не менее у всех наших сотрудников есть высшее образование. У всех без исключения, – смотрит на меня поверх своих очков. – Мы... кмх... не можем себе позволить низкоквалифицированных персонал, наши клиенты, как правило, состоятельные люди.

– Ясно, – шепчу, отвернувшись к стеклянной стене.

Это похоже на смерть. Вот так. Когда внутри все просто умирает.

– Я, конечно, понимаю, что ты отработала три месяца, но условия стажировки таковы, что мы не даем никаких гарантий.

Мои губы кривятся, когда смотрю на нее.

Я отпахала здесь долбанных три месяца! Бесплатно. Если это ошибка, то я... чертова балерина! Меня просто использовали и выбросили.

Ее лицо – непроницаемая маска.

Встав со стула, просто выхожу за дверь.

Холод под кожей делает меня деревянной.

Пройдя через зал, смотрю в пол, чтобы ни с кем не встречаться глазами. Мне кажется, что все здесь знали, чем кончится моя стажировка. Все, кроме Ксюши, которая смотрит на меня округлившимися глазами.

– Юль... – пытается она заглянуть в мое лицо, пока собираю в сумку свои вещи.

Телефон, блокнот с котами, который купила сама, ручку со светящимся колпачком...

– Ну чего ты... – лепечет Ксюша. – Тоже мне, работа мечты...

Она замолкает, когда смотрю на нее, и из моих глаз льются слезы.

– Можно у тебя переночевать? – единственное, что у меня получается ей ответить, не скуля и не хрипя.

– Да, – бросается она к своей сумке и выхватывает оттуда ключи.

Быстро пишет на желтом стикере адрес, поглядывая на меня.

Прижав к груди сумку, бросаюсь к шкафу в служебном помещении и быстро одеваюсь, мечтая поскорее вырваться отсюда и глотнуть свежего воздуха.

Он сбивает меня с ног, ударяя в лицо, когда я оказываюсь на улице.

Обмотав вокруг головы шарф, просто иду, сама не зная куда. Вдоль шоссе. Потом по старомодным дворам, заваленным желтыми листьями. Сажусь на первый попавшийся автобус и просто еду, глядя на промерзший осенний город. Глядя на него, я не чувствую ничего. Ни одиночества, ни страха, ничего... только опустошение и усталость.

Утерев кулаком глаз, сую руку в карман.

Кожу на лице пощипывает от соли, напоминая о колкой и одновременно мягкой щетине, которая оставила на ней мелкие царапины. На лице, шее и на груди. Напоминая мне о том, что еще... не все потеряно...

Я должна позвонить сестре, но сейчас нам лучше не общаться. Я не хочу расстраивать ее или врать, рассказывая о себе небылицы.

Сойдя на первой попавшейся станции Метро, спускаюсь в подземку и целый час добираюсь до Ксюшиной квартиры. Улыбаюсь сквозь слезы, рассматривая нарисованный от руки план на желтом стикере. Он состоит из кривых стрелок, пунктиров и кругов. И, когда прижимаюсь лбом к подъездной двери, сработавший код домофона сообщает мне о том, что этот корявый план я прочитала верно.

– М-м-м... – мычу, переворачиваясь на спину и глядя в темный потолок, на котором пляшут тени деревьев.

Ветки скребутся в потемневшее окно, и мне хочется спать дальше, но мой телефон звонит во второй раз и никак не заткнется.

Голова настолько пустая, что я ее не чувствую. Просто хочу спать...

Хочу вернуться в свой сон, потому что там меня сжимали сильные мужские руки. Так крепко, будто наяву... И его запах. Терпкий парфюм. На моей коже.

– Отвали от меня... – прошу шепотом, обращаясь к умным, чертовски умным зелено-карим глазам.

Подушка под щекой пахнет можжевельником. В темноте пытаюсь понять, где нахожусь. Это выходит далеко не сразу, а когда получается, хочу заснуть снова еще больше.

Поджав под себя ноги, ватной рукой шарю под одеялом.

– Алло... – мой голос хрипит, и в горле пересохло.

Сколько я спала?

Я спала так, будто не спала лет десять. Просто ни о чем не думая. Спать, когда тебе никто не мешает – в моей жизни это как Новый год. Там, дома, у нас с Ритой была одна кровать на двоих. По крайней мере, у нас с ней была своя собственная комната. Чтобы ее отстоять, мне пришлось орать так, что слышал весь пятиэтажный дом. Вспоминая тот отстойный день, я хочу стереть себе память...

– Привет, – нервный мужской голос на том конце провода.

– Привет... – хриплю я, пытаюсь сглотнуть.

Прикладываю ко лбу руку, пытаюсь разгладить на нем складки, потому что я понятия не имею, кто это звонит.

– Хе-хе... – произносит голос. – Мне твоя подруга дала номер. Это Леонид. Хе. Можно просто Леня.

Молчу, и в трубке тишина.

Какое еще... Леня?

Я слышу, как он дышит. И мне не нравится его голос. Черт...

– Э-э-э... мы в салоне виделись, – поясняет, но для меня это все равно как сдернуть платок с пустого места. – В салоне «Мерседес».

– А... – бормочу, садясь и соображая, кто он, черт его дери, такой.

– Не помнишь меня? – произносит с какой-то странной интонацией, которую я даже не собираюсь расшифровывать. – Я покупал «Мерседес».

Я не помню.

Леня, Леня, Леня...

Трясу головой, пытаюсь взболтать мозги.

– Эм... у нас много клиентов, – говорю осторожно. – Большой поток людей.

– Ну, тогда понятно, – усмехается он, но звучит это неестественно. – Хочешь сходить в ресторан? У меня столик заказан.

Онемев на секунду, смотрю на темное окно.

Я понятия не имею, кто он такой. Но наличие «Мерседеса» делает его не голодранцем, тем не менее... я не хочу никуда с ним идти, кем бы он ни был, хоть владельцем «Феррари». Наверняка у него нет зелено-карих живых глаз и

всяких чудаческих финтов, от которых хочется то ли орать, то ли смеяться...

– Нет? – спрашивает с нажимом.

Господи...

Закрыв глаза, кусаю губу.

Мне опять хочется зареветь.

Я не хочу ни в какой ресторан. С ним. Но буду дурой, если не пойду. Я понятия не имею, кто этот Лёня такой, но разбрасываться даже такими сомнительными вариантами – долбаная роскошь.

– Хорошо, давай, – отвечаю весело, но это звучит фальшиво даже для меня самой.

– О, вау... – частит он. – Круто. Да. Я могу заехать за тобой. Часа через два. Окей? Идет?

– Да, класс, – отвечаю, морщась.

– Скинь адрес. Ну... пока, да?

– Угу...

Он кладет трубку, а я падаю на диван, проверяя свой телефон. Пропущенный вызов от Ксюши и... больше ничего.

Давящее разочарование сжимает грудь.

– Ладно... – шепчу, выбираясь из-под одеяла.

Ксюшина квартира маленькая, но теплая. А еще у нее жуткий бардак. Я помыла посуду и полы. Прибрала ее вещи и даже сварила суп из того, что нашлось в ее холодильнике. Чем еще ей отплатить, я не знаю. Моя блузка и брюки аккуратно

сложены на стуле. Залезая в них после ванной, в зеркале вижу, как ужасно они на мне висят. Делают задницу плоской и бесформенной.

Собираю волосы в хвост и закручиваю в пучок на макушке, чтобы открыть шею и скулы. Решаю не краситься, потому что мне нечем и потому что... пошло оно все к чертям.

В зеркале я выгляжу лет на пять моложе, поэтому решаю накрасить хотя бы губы.

Я одета совсем не для ресторана, и мои ботинки на плоской подошве. Но мне и на это плевать.

Возле подъезда меня ждет черный «Мерседес»-купе, а рядом с ним...

Отпустив подъездную дверь, слышу, как она защелкивается за моей спиной, и этот звук тонет в гуле ледяного ветра.

Боже...

Тощий парень, который и правда был в салоне на этой неделе.

Тощий, нескладный и... некрасивый. На нем джинсы и кожаная куртка, которая выглядит как с чужого плеча. Вжимая голову в плечи, он шарит глазами по моему телу и облизывает губы, дергано улыбаясь.

Он настоящий лох, а их... проще всего окрутить. Но, как ни пытаюсь нацепить на лицо улыбку, у меня не получается.

«Он меня достал», – читаю сообщения от Ксюши, которые валяются без остановки.

«Три раза за день приходил».

«Потом даже денег предлагал».

«Не надо было давать твой номер, да?»

Массирую висок, печатая в ответ: «Все нормально. Не переживай».

Посвящать ее во все детали своего положения я не буду ни при каких обстоятельствах, но именно ради таких возможностей я и пыталась устроиться в этот гребаный салон.

Где еще можно встретить... обеспеченного мужика, как не там. Это все равно что первый класс самолета.

Утренние события опять проносятся перед глазами, напоминая о том, что я осталась без работы и... вполне возможно, без жилья, потому что до тошноты не хочу возвращаться к Марине, а она, я уверена, не хочет этого еще больше.

«Я сделала копию его паспорта, если что», – пишет Ксюша в ответ.

Отправляю ей смеющийся смайлик и убираю телефон в карман.

– ...откуда?

– М-м-м? – переспрашиваю, оторвав глаза от окна.

– Ты откуда? – повторяет свой вопрос этот... Леня.

Он нервничает, ведя машину как новичок. Он ведет ее так, будто она, как и куртка, достались ему с чужого плеча. Думаю, это потому, что деньги в его жизни завелись недавно.

Он ведет эту чертову машину неуверенно, вот как, и это отсылает мои мысли в другой «Мерседес». В серо-зеленый хамелеон.

Глядя в окно, кусаю губу.

Машина едет вдоль утыканной бутиками улицы, потому что мы в самом Центре. Глядя на блестящие витрины, чувствую себя неудобно. В этой машине я будто в

гостях у посторонних людей.

– Из Подмосковья, – вру. – А ты?

Я говорю это всем. А еще говорю, что у меня большая семья и что в городе у меня полно родственников.

– Из Ебурга, – дергано отвечает он, резко давая по тормозам. – Теперь уже почти москвич, – добавляет, посмеиваясь.

По стеклу ударяет капля дождя, а я... хочу уже куда-нибудь приехать.

– Чем занимаешься? – смотрю на парня, ловя его взгляд на своем лице.

Эти его взгляды очевидны. Он на меня запал, и сейчас мне липко от всего этого, потому что мне он не нравится. Черт.

– Э. Программирую, – говорит, опять давая по тормозам.

Нас обоих бросает вперед, а потом назад.

– У нас команда. Пишем игры компьютерные. Ну, это сейчас самая оплачиваемая работа. В Москве и вообще. Офис в Сити. Хе. Пятьдесят пятый этаж. Была там?

– Да, – бормочу, глядя на свои руки.

– Мы всей командой из Ебурга подтянулись. Шеф решил, что хватит нам там в Ебурге сидеть, – подтверждает он все мои догадки.

Он полный профан по части девушек, и если сделать все правильно...

Если сделать все правильно, он через месяц притащит мне кольцо.

Смотрю на него, чувствую, как сосет под ложечкой.

Ему явно пора постричься. На щеках редкая щетина. Немного кривоватый нос и тонкие губы.

Это мой самый реальный шанс за все три месяца. Реальнее просто не придумаешь. У этого Лени, судя по всему, денег куры не клюют, которые он даже не знает, на что тратить.

Его глаза горят, когда смотрит на меня. Кажется, он кончит в свои штаны, если я просто до него дотронусь.

В виске начинает стучать.

Чем больше я узнаю о нем, тем сильнее давит на мозги.

В дорогом ресторане он берет бутылку вина за тысячу долларов и с какой-то жадной гордостью следит за тем, как я его пью.

Мне хватает двух глотков, чтобы голова стала пустой. Я не чувствую вкуса, следя за движениями его тонких губ, когда он ест свой салат, продолжая рассказывать о своем офисе, компьютерных играх, о «шефе», которого боготворит. Шеф сказал «то», шеф сказал «се».

Публика вокруг такая, что на ее фоне мы выглядим жалко. И даже счет в его чеке не изменит того, что мы как будто самозванцы, но все это... это все полная хрень. Когда у человека есть деньги, он быстро учится входить вот в такие рестораны как к себе домой.

Леня сообщает о том, что покупает квартиру, и следит за моей реакцией на эту новость.

– Вау, – запиваю вином свои равиоли, которые никак не хотят проглатываться. – Поздравляю...

– Хочу в Мексику махнуть. Через... э... пару недель...

Прячу от него глаза и роняю вилку, когда лежащий на столе телефон начинает вибрировать.

Это похоже на микровзрыв где-то под ребрами. К горлу мгновенно подкатывает ком, но только не от всего того дерьма, которое обступило меня со всех сторон, а от радости. Не могу контролировать свое лицо. На нем столько всяких эмоций, что я хватаю телефон и вскакиваю из-за стола, выдавив:

– Отойду.

Глядя по сторонам, пытаюсь отыскать, где здесь туалет, и не нахожу.

– Алло?

Выбегаю на улицу в одной блузке и закрываю глаза, когда слышу низкий бархатистый голос:

– Привет...

– Эм... – выдыхаю, придерживая рукой сердце. – Привет.

– Есть желание встретиться?

От этого вопроса каждая клетка моего мозга поет.

Сжавшись от холода, смотрю в темное небо, на котором не видно ни единой звезды. В этом городе со звёздами вообще беда. Весь этот бушующий вокруг трафик становится мне до лампочки, как и Леня вместе со своим вином, своим шефом и своими компьютерными играми, хотя должна признать, что, на мое удивление, эта тема оказалась очень даже интересной, а Лёня... умеет быть хорошим рассказчиком, потому что фанатеет от всего этого.

Вдохнув сырой воздух, спрашиваю, изо всех сил пытаюсь звучать беспечно:

– Сегодня?

– Сейчас? – задает он встречный вопрос.

Мои губы улыбаются сами собой. Почему я не догадалась?! Кажется, этот мужчина привык смотреть на вещи так, будто какие-нибудь дела в этой жизни могут быть только у него.

Ветер швыряет в лицо волосы. Откинув их, говорю первое, что приходит в мою голову:

– Я сейчас в центре. Шопинг... с подругой.

– М-м-м, – тянет Роман. – Я тоже в центре. Может быть, хочешь продолжить шопинг со мной? – делает он акцент на последнем слове.

От прилива адреналина и радости я просто загораюсь изнутри. Он где-то недалеко, и эта новость действует на меня чертовски странно! Волнует и будоражит.

– Может быть, – отвечаю в тон, но звучит это ужасно кокетливо и глупо.

Так глупо, что я опускаю лицо в ладонь.

Мне плевать на шопинг. Даже на то платье, которое он обещал. Все, что мне нужно... Боже... я и сама не знаю. Просто оказаться в его машине, и поскорее.

– Звучит неопределенно и туманно, – замечает Роман насмешливо.

– А ты что, не умеешь расшифровывать женские сигналы? – кусаю губу, продолжая кокетничать, просто не в силах себя заткнуть.

А он... кажется, он не против, потому что заявляет:

– В твоем случае, думаю, это значит «да».

– И почему ты так думаешь? – фыркаю я.

– Потому что я предлагаю оплатить шопинг, – хриповато поясняет он. – Это разве не точка G у женщины?

Смеюсь, глядя на свои ботинки.

– Ну... – говорю ему. – А для мужчины шопинг с женщиной – это разве не ад на Земле?

От его тихого смешка у меня стучит сердце.

– Да, – соглашается. – Это паршивое занятие.

– То есть, – вырывается из меня раньше, чем успеваю подумать. – Ты часто с женщинами шопишься?

Эта новость действует на меня убийственно остро.

Дура.

Чем он занимается, когда мы не вместе, – это не мое дело!

Я бы никогда не стала рассказывать ему о себе. Что бы я вообще могла ему рассказать? Всю ту чушь, которую сочинила?

– Так, откуда тебя забрать? – игнорирует мой вопрос, в очередной раз напоминая, что я все правильно поняла.

Его жизнь меня не касается.

Мы... не встречаемся. Просто трахаемся время от времени. Но раз уж так, я тоже могу пользоваться его телом. И я хочу его. Сегодня. Сейчас.

– Ну... – сомневаюсь, осматриваясь по сторонам и пытаюсь найти ответ на его вопрос.

Я не знаю, где, черт возьми, нахожусь, но встретиться с ним тут, у ресторана, не самая блестящая идея.

По мощеной улице туда-сюда ездят машины. Я вижу реку и набережную. Вижу прогулочные катера.

– Я и сам могу определить твое местоположение, если все так плохо, – спокойно сообщает Роман.

– Что? – удивляюсь. – Это как?

– Очень просто, – объясняет как ребенку. – Я отправлю тебе запрос на поиск, ты его одобришь. Так мне выезжать?

– Эм-м-м... да... – выдыхаю я.

– Отлично... – говорит отвлеченно. – Буду готов минут через... десять.

– Ладно... – улыбаюсь я.

– До связи.

Он кладет трубку, и я пулей возвращаюсь в ресторан.

Охранник в отглаженном черном костюме придерживает для меня дверь. От холода я ежусь.

На стенах зажглись подсвечники, и выглядят они настоящими. От этого обстановка вокруг заиграла новыми красками. Стала еще дороже и уютнее, но мне нестерпимо хочется покинуть это место.

Подлетев к столу, я ловлю оживленный взгляд парня и пытаюсь отделаться от него как-то помягче.

– Эм-м-м... – заправляю за уши волосы, глядя на него сверху вниз. – У меня тут срочное дело... нужно срочно помочь... соседке...

Он смотрит на стол и на недопитую бутылку вина.

Черт.

Я чувствую себя настоящей сукой, особенно когда он хмуро спрашивает:

– Что, прям сейчас?

– Да, извини.

– Давай тебя отвезу, – говорит все так же хмуро.

– Нет... кхм... она заедет за мной сама. В общем, спасибо. Вино просто отпад. Я такого... букета никогда не пробовала.

– Да? – оживляется он.

– Угу... – киваю, ловя на себе взгляд какого-то седого мужика за соседним столиком.

Но прямо сейчас мне плевать на всех мужиков мира. Кроме одного-единственного.

– Тогда давай сходим сюда еще раз? – пряча от меня глаза, бормочет он.

Пф-ф-ф-ф...

Еще раз...

– Ага, – машу ему рукой, пяясь назад. – Позвони мне. Пока, – отмахиваюсь, разворачиваясь к лестнице.

Сбежав по ней, забираю в гардеробе свое пальто и выскакиваю на улицу, на ходу застегивая пуговицы.

Быстро завернув за угол, убираюсь подальше от ресторана, чтобы Леня не узнал о том, что у моей «соседки» зеленый «Мерседес» в тюнингованной штучной версии.

Именно в этот момент на мой телефон приходит запрос на отслеживание, который я быстро одобряю.

«Не двигайся», – получаю я следом и улыбаюсь, останавливаясь в каком-то вымощенном брусчаткой проулке.

Рычание мотора заполняет его снизу доверху спустя каких-то пятнадцать минут. За это время я успеваю озябнуть и поговорить с сестрой, которая сегодня опять в дерьмовом настроении, потому что у нее каникулы и отобрали интернет. Я решаю сделать над собой усилие и позвонить отцу, чтобы решить этот чертов вопрос. Но только не сейчас.

Сейчас я не хочу думать ни о чем серьезном или сложном.

Хочу просто... веселиться.

Оббежав ультразеленый капот, сажусь в машину, и вместе с ароматом новой кожи салона в мой нос сочится запах чокнутого миллионера Романа Геца. Ненавязчивый терпкий душок его туалетной воды.

От прогретого воздуха я начинаю согреваться и тру друг о друга ладони, встречая живые подвижные зелено-карие глаза своими.

Все это ощущается так, будто я окунулась в какое-то другое магнитное поле. В абсолютно другую энергетику. И делает ее не обстановка, а человек. Эту его энергию я просто чувствую кожей.

– Привет, – полушепчу, сраженная наповал тем, что он одет в черный деловой костюм и белую рубашку, а на шее слегка ослабленный черный галстук.

Боже...

Ему идут костюмы.

Жадно разглядываю обтянутые строгими брюками ноги, широкие плечи, пряжку ремня, который опоясывает его плоский живот.

Черт возьми.

Ему очень идут костюмы...

Закусив губу, отрываю взгляд от сдержанной деловой ширинки брюк и возвращаюсь к его лицу, вспоминая о том, что сама одета как какой-то погорелец. В брюки и рубашку, в которых работала еще там, дома, и все это сидит на мне в три раза хуже, потому что за прошедший день я будто еще пару килограмм потеряла.

– Взаимно, – отзывается Роман на мое приветствие.

И моя голодная реакция на его одежду мужчине явно забавляет.

Прямая бровь еле заметно выгибается, отчего на его лбу прорезаются морщинки.

Черт.

Черт.

Черт.

Мне нравится настолько, что хочется забраться на него прямо здесь, в машине.

Кажется, он тоже это понимает, потому что на его губах появляется легкая улыбка. Взгляд блуждает по моему лицу и волосам, а я... думаю о том, что хотела бы его поцеловать. Сейчас. И это совершенно неуместно! Это глупо. У нас не те отношения, чтобы целоваться просто так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/letova_mariya/igrushka-dlya-biznesmena

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)